

АЛЕКСАНДР
КЕРДАН

Урал-
БАТЮШКА

Царь горы

Урал-батюшка

Александр Кердан

Царь горы

«ВЕЧЕ»

2004, 2013, 2018, 2020

Кердан А. Б.

Царь горы / А. Б. Кердан — «ВЕЧЕ», 2004, 2013, 2018,
2020 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-8499-5

В книгу прозы лауреата Большой литературной премии России Александра Кердана вошли романы «Царь горы» и «Караул», а также несколько рассказов, написанных в последние годы. Все эти произведения объединены темой уральского характера и кругом действующих лиц – офицеров-уральцев. На долю каждого из них выпала служба в Вооруженных силах в непростых условиях крушения советского строя и становления новой российской действительности. В дни войны и мира им приходится отстаивать своё человеческое достоинство, право на счастье, бороться с несправедливостью. Служебные перипетии героев тесно связаны с их личной жизнью, а неожиданные повороты сюжета удерживают внимание с первой и до последней страницы. Автор – коренной уралец и полковник в отставке, отдавший службе в армии почти три десятка лет. Предельная искренность и ироничность его прозы, глубокое исследование писателем психологии своих героев и сопереживание им составляют живой нерв книги, делают её интересной широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-4484-8499-5

© Кердан А. Б., 2004, 2013, 2018, 2020
© ВЕЧЕ, 2004, 2013, 2018, 2020

Содержание

Романы	6
Царь горы	6
Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	39
Глава четвёртая	56
Глава пятая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Кердан

Царь горы

© Кердан А.Б., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

* * *

Романы

Царь горы

Глава первая

1

Едва Борисов свернул в арку, ведущую от универсама «Семейный» во двор его дома, как замедлил шаг – на стене чернела надпись: «Витька, я спал с твоей женой!».

«Должно быть, местная шпана самореализуется», – он с трудом удержался, чтобы не выругаться вслух, и даже не в адрес «шпаны», а по поводу всей окружающей жизни, двадцать семь лет назад перекроившей судьбы нескольких поколений, лишившей людей завтра и вчера, заставившей жить одним днём, ловчить и приспосабливаться, пластаться ради куска хлеба насущного, забывая в погоне за ним и о прежних высоких идеалах, и о воспитании собственных чад... И теперь эти подросшие чада – «птенцы эпохи перемен», не получившие должного воспитания, предоставленные самим себе, не знают, куда деть дурную, кипучую энергию...

«Взяли и стену испоганили! А ведь только что ремонт в арке сделали! И цвет красивый подобрали – этакий фисташковый пломбир», – Борису вспомнилось, как его жена Инга, будучи членом совета дома, названивала в управляющую компанию, чтобы ремонт начался. Как на собрание жильцов приглашали депутата городской думы Сиропова, как просили у него поддержки. Депутат собирался помочь и не помог, тогда отправили ходоков в районную администрацию, и там обещали вопрос решить... Канитель продолжалась несколько лет, пока в арке не появились штукатуры и маляры... И вот тебе на! Месяца не прошло, как все старания насмарку!

Вообще-то день у Борисова не задался с самого утра.

Жуковский – главный редактор литературно-художественного журнала «Рассвет», где Борисов работал заведующим отделом публицистики, сообщил, что со следующего месяца прекращается их финансирование из средств областного бюджета. А это означало только одно – журнал будет закрыт, и весь штат сотрудников останется без работы.

– Вот и наступил закат «Рассвету»! – невесело скаламбурил главред. – Это ж надо, девятые пережили, двухтысячные одолели, а в две тысячи семнадцатом... Собаку съели, да хвостом подавились!

– Ты скажи ещё, Геннадий Андреевич, что в этом году исполняется сто лет со дня Великого Октября и это – праздничный подарок к юбилею! – сообщение Жуковского Борисова обескуражило и огорчило. За годы работы в «Рассвете» он прикипел к журналу, да и оклад сотрудника редакции был совсем нелишним довеском к его офицерской пенсии.

– Насчёт праздничного подарка – не знаю, но советую загодя подумать о трудоустройстве... – не оставил повода для оптимизма главред.

В невесёлых размышлениях о том, чем займётся, если журнал закроют, Борисов провёл в редакции полдня и домой отправился в угнетённом состоянии духа. «Наскальная роспись» в арке окончательно вывела его из себя, настроив на критический лад.

Он медленно, боясь поскользнуться на хрупкой ледяной корке, покрывшей тротуар после вчерашней оттепели и утреннего морозца, пошёл к своему подъезду, мысленно продол-

жая сетовать и на продажную эпоху, и на бестолковую власть, закрывающую школы, библиотеки и литературные журналы, не думающую о воспитании молодёжи и не заботящуюся о стариках.

У своего подъезда Борисов остановился и окинул взглядом двор. Некогда зелёный, он, стараниями ушлого управдома, превратился в автостоянку. Нанятые управдомом таджики вырубili под окнами сирень и черёмуху, обкорнали могучие тополя, как головы призывников, и теперь они напоминают американские «Першинги» на стартовой позиции...

Чтобы переключиться с грустных мыслей на более позитивные, Борисов присел на лавочку и уставился на мальчишек, играющих на детской площадке.

Эту площадку построили прошлым летом как раз в канун избирательной кампании: Сиропову предстояло в очередной раз получать депутатский мандат, вот он и раскошелился...

«А чему я удивляюсь? Сейчас во власть только такие «сироповы» и лезут! Если и вспоминают о простых людях и их нуждах, так только перед выборами...» – Борисов готов был снова погрузиться в горькие думы о том, что происходит в стране, в его городе, превратившемся в «торговый Вавилон», в скопище мигрантов и гастарбайтеров, но вовремя остановился, вспомнив совет жены. Инга всегда, как только он начинал возмущаться «бардаком вокруг», призывала «выключить замполита»...

Не отрывая взгляда от играющих мальчишек, Борисов мысленно отрапортовал супруге: «Выключаю!»

Мальчишек на площадке было четверо. Все одного возраста: лет восьми-девяти, в разноцветных курточках. На присыпанной снежком земле – школьные ранцы.

«Гимназисты! Домой идти не торопятся... Заигрались!»

Игра действительно была в самом разгаре. Двое пацанов с хохотом пытались стащить с деревянной горки своего товарища. Он изо всех сил карабкался вверх по наклонной поверхности, вырывался из цепких рук. Наконец ему это удалось. Ещё один рывок, и он – наверху... Но в последний момент мальчик, который не участвовал в общей свалке, обежал горку, ловко взобрался по ступеням с другой стороны и встал на вершине во весь рост:

– Ура! Я победил! Я – царь горы!.. – торжествующе завопил он.

– Так нечестно! Это не по правилам! – заспорили его приятели. – Мы так не договаривались!

Но победитель стоял на своём:

– Ну и что, что не договаривались? Кто первый на горку забрался, тот и царь!

«Вот ведь проныра! – невольно улыбнулся Борисов, хотя ему и жаль было мальчишку, честно сражавшегося за победу: по совести, конечно, он должен стоять на вершине. – Впрочем, какая эпоха, такие и цари...»

Борисов не стал дожидаться, чем закончится ребячий спор, встал с лавочки и направился домой. Лифтом пользоваться не стал, поднялся на шестой этаж пешком: физическая нагрузка лучше всего мысли упорядочивает, и с ощущением, что весь нынешний негатив оставляет за порогом, коротко и энергично позвонил в дверь.

– Извини, милый, говорю с мамой по телефону... Обед на плите... – открыв дверь, протараторила Инга и упорхнула в гостиную, источая нежный запах знакомых духов.

«С мамой – это надолго», – резюмировал Борисов, стягивая с себя кожаное пальто. Он донашивал его бессчётное количество лет, несмотря на упрёки жены, что такой фасон давно не в моде, что в этом пальто он похож на Дзержинского, которого уже сняли с пьедестала...

«Кожа всегда в моде! И Феликс Эдмундович ещё когда-нибудь на свой пьедестал вернётся, чтобы с этим бардаком в стране разобраться!» – Борисов снял тяжёлые ботинки, напоминающие омовские берцы, сунул ноги в тапки, прошёл в ванную и старательно вымыл руки, отметив про себя, что смог окончательно справиться с охватившим его раздражением.

Рассольник ещё не успел остыть.

Борисов ел медленно – с чувством, с толком, с расстановкой. Этому он научился в Афгане.

– На войне есть два святых занятия: баня и приём пищи... Война войной, а обед по распорядку, – заметив оставшуюся с курсантских лет привычку Борисова – поглощать еду быстро, почти не разжёвывая, наставлял его майор Петров. – Запомни, пока ты жуёшь, тебя никакой Аполлон, то бишь старший воинский начальник, ни к какой священной жертве не потребует и никуда не пошлёт. Медленнее ешь – целее будешь!

За год, проведённый «за речкой», много раз убеждался Борисов в истинности простой солдатской мудрости: война торопливых и инициативных не любит. Пока не получил приказ – не высовывайся, а получил – выполняй не спеша, а то переделывать заставят.

Борисов успел покончить с первым блюдом и приступил к котлете «по-киевски», когда на кухню вошла жена.

– Ну как, вкусно? – поинтересовалась она.

– Во! – Борисов поднял вверх большой палец левой руки. Прожевав, похвалил: – Ты молодец! Вполне могла бы шеф-поваром в ресторане работать... – И тут же осёкся: Инга уже много лет домохозяйка. Не воспримет ли похвалу как упрёк?

Но Инга улыбнулась:

– Сейчас чай будем пить с персиковым вареньем... – Она поставила ему – водохлёбу – большую кружку, себе – изящную фарфоровую чашку.

За чаем Борисов поинтересовался:

– Ты видела, что в арке стену испоганили?

Инга встрепенулась:

– Я сегодня ещё не выходила... А что там на этот раз?

– Наскальные надписи новых неандертальцев!

– Опять про Чашкина написали?

Борисов усмехнулся.

С пресловутым Чашкиным была связана целая история, продолжавшаяся несколько недель. Сначала в арке появилась надпись, в которой неизвестный корреспондент упрекнул Чашкина за то, что он гуляет с девушкой старшего брата. Затем кто-то из сочувствующих «пострадавшему» Чашкину-старшему дал определение этому гнусному проступку Чашкина-младшего в нецензурной форме. Спустя ещё несколько дней появился «приговор»: «Казнить его!» И, наконец, очередной борзописец подвёл итог обсуждению, с грамматической ошибкой начертав свою резолюцию: «Соглосен».

– Может быть, и про Чашкина, если его Витькой зовут! – Борисов процитировал: – «Витька, я спал с твоей женой», – и принялся размышлять: – А если это не Чашкин?... Выходит, всем Витькам нашего района вздрогнуть нужно!

Инга слушала его рассуждения с улыбкой и вдруг спросила:

– А вы не подумали, Виктор Павлович, что это вам адресовано?..

2

Выйдя на «гражданку», Борисов долго не мог привыкнуть, когда к нему обращались по имени и отчеству. В армии всё было просто – сначала: «товарищ курсант», после окончания училища – «товарищ лейтенант... товарищ капитан... товарищ подполковник». Сослуживцы если и окликали не по-уставному, то только по имени – Виктор.

Отец Павел Андреевич, армейский прапорщик, мечтавший воплотить в сыне свою несбывшуюся мечту стать офицером, нарочно выбрал для него имя, означающее «победитель». А вот мама Татьяна Петровна, всю жизнь проработавшая поварихой в заводской столовой, и в детстве, и потом, называла его, своего единственного сыночка, не иначе как Витюшей. При-

ятели в школе звали Витькой, пока в девятом классе, после изучения таблицы Менделеева, к нему не пристало созвучное фамилии прозвище Бор. Бывшая жена Серафима в добром настроении называла его Витя, а когда злилась – Викентий. Это имечко бесило Борисова. И Серафима, зная об этом, нарочно доводила его до белого каления... По имени-отчеству к Борисову стали обращаться только после перевода его из войск в редакцию окружной газеты «Красный воин».

Инга, с тех пор как они стали жить вместе, по имени Борисова и не называла вовсе, а только – милый и, если уж возникал спор и не удавалось прийти к общему мнению, произносила строго: Борисов.

... Она появилась в его жизни, когда Борисов уже ни на что не надеялся. Если и оставалось в глубине души какое-то ожидание светлого и лучшего, то он никак не думал, что это «светлое и лучшее» возникнет именно в таком виде и при таких обстоятельствах.

В декабре девяносто первого года рухнуло в одночасье, казалось бы, монолитное и поставленное на века здание Советского Союза. Оно развалилось, как карточный домик, из которого выдернули всего одну карту – партийную идеологию, цементирующую всю эту сложную и величественную конструкцию.

Известие о том, что СССР больше нет, подполковник Борисов встретил в Харькове, где служил преподавателем на кафедре общественных наук в Высшем военном командно-инженерном училище ракетных войск имени Маршала Советского Союза Н.И. Крылова.

Бывшие братские республики Россия и Украина разошлись тогда мирно и вроде бы похорошему. Их лидеры при расставании обнялись и поклялись друг другу в нерушимой дружбе. Однако в первой же анкете для всех офицеров бывших Вооружённых Сил СССР, оказавшихся на территории Украины, «незалежные» власти предложили ответить на два взаимосвязанных вопроса: «Будете ли вы принимать присягу Украине?» и «Станете ли вы воевать против Российской Федерации в случае объявления ей войны?»

И если первый вопрос объяснялся самим фактом появления нового государства, то второй показался Борисову невыносимым и провокационным. Он ответил на оба вопроса отрицательно.

Начальник отдела кадров училища подполковник Зинченко, добродушный краснолицый толстяк с запорожскими усами, прочитав его анкету, посоветовал:

– Пиши-ка ты, братец Борисов, рапорт на перевод в Вооружённые Силы Российской Федерации! Найдётся там, кому за тебя слово замолвить?

– Так точно, Тарас Богданович, найдётся, – кивнул Борисов.

Он сразу вспомнил о друге детства Царедворцеве, который служил в Самаре, в штабе Приволжско-Уральского военного округа: «Коля обязательно поможет!»

– Добре! Тоди працой... – внезапно перешёл на «ридну мову» Зинченко, протягивая Борисову чистый лист.

Борисов тут же написал рапорт на перевод из украинской армии в российскую и стал собираться на «историческую родину».

Но пока назначили нового начальника училища – «широкого» украинца; пока этот начальник рассмотрел его рапорт вместе с рапортами других «отказников»; пока весь пакет документов переправили в только что созданное Минобороны Украины и пока там, среди нескольких десятков тысяч личных дел офицеров, желающих вернуться в Россию, очередь дошла и до Борисова, наступило лето девяносто второго года.

К этому времени Борисов получил от Царедворцева письмо, из которого узнал, что и в Российской армии произошли большие перемены. Приволжско-Уральский округ приказал долго жить, и Царедворцева перевели в Свердловск, ставший не так давно Екатеринбургом, где воссоздали штаб Уральского военного округа.

«Ты, Бор, давай, не тяни! Приезжай поскорей, – торопил в письме Царедворцев, – пока округ формируется, найдём для тебя местечко получше!»

И Борисов поехал на родной Урал.

Величественное здание штаба УрВО, облицованное красным гранитом, построенное в конце тридцатых годов в стиле сталинского ампира, в день приезда Борисова гудело растревоженным ульем. По коридорам, помнившим ещё шаги маршала Жукова, расхаживали десятки таких же, как Борисов, «безработных» офицеров, спешно покинувших национальные республики и мечтающих служить в некогда заштатном, второразрядном, а теперь – престижном округе.

В правом крыле первого этажа, где располагалось управление кадров, толкаясь в очереди перед кабинетом начальника управления, Борисов неожиданно вспомнил, как в девяностом, сразу после выпуска из военной академии, ему предлагали место преподавателя в Свердловском высшем танково-артиллерийском военно-политическом училище имени Л.И. Брежнева.

Тогда он от вакансии отказался, отдав предпочтение Харьковому, дескать, там тепло и яблоки растут, словно не хватило ему афганской жары и сахарных дынь. Но на самом деле причина была совсем иного, личного, свойства... Сейчас он был бы рад вернуть всё назад, да жизнь – не кинолента, обратно не прокручивается, и всё в ней предугадать невозможно... Впрочем, и само Свердловское политическое училище тоже не сохранилось. Его расформировали по указу президента новой России, упразднившего политорганы. На месте СВВПТАУ разместилось командное артиллерийское училище, в котором должности для Борисова не нашлось. Не помогли ни академия, оконченная с отличием, ни лестная характеристика, которой снабдили в Харькове, ни звонок Царедворцева начальнику управления кадров.

– Ждите, товарищ подполковник, – уныло обнадёжил Борисова кадровик. – Появится вакансия, мы свяжемся с вами... Вы где остановились?

Борисов поселился в переполненной приезжими офицерами и членами их семей окружной гостинице. Царедворцев, пользуясь статусом редактора окружной газеты, устроил его в отдельный номер. Сам он проживал в соседнем, ожидая служебную квартиру.

Сообщив кадровику, где его найти, Борисов побрёл в сторону своего временного приюта, размышляя, чем себя занять, пока, как говорится, суть да дело. Ему пришла в голову мысль – съездить в родной Челябинск. Но он её быстро отверг: родителей уже похоронил, а квартиры, которую они так и не успели приватизировать, отошла государству. Просто так глядеть на «родное пепелище» и вдыхать «сладкие и приятные» дымы знаменитого металлургического комбината не хотелось. Да и надеялся, что должность для него всё-таки отыщется быстро.

Место для Борисова и впрямь вскоре нашлось – заместителем командира батальона по работе с личным составом в Алапаевской инженерно-сапёрной бригаде.

– Должность майорская, но это назначение, как вы понимаете, с расчётом на перспективу... – напутствовал уже знакомый кадровик. – Служите, товарищ подполковник! Родина о вас не забудет!

Сколько подобных фраз выслушал Борисов за годы службы, и не перечесть. Он хорошо знал армейскую истину: временные должности – это, как правило, надолго, но выбирать было не из чего.

– Разрешите убыть к новому месту службы! – козырнул Борисов и отправился в гостиницу собирать вещи, которых у него как у человека одинокого было немного – два чемодана с обмундированием и книгами.

У гостиницы Борисов столкнулся с Царедворцевым:

– Еду, Коля, служить в Алапаевск. Сам понимаешь, городишко – так себе. Одно только радует: служебную квартиру обещали сразу дать.

Царедворцев благодушно похлопал его по плечу:

– Всё в порядке, Бор! Нормальный городок. Чайковский там жил и члены семьи последнего императора...

– Скажи ещё: нашли свой последний приют... – мрачно усмехнулся Борисов.

– Ну, нам с тобой до последнего приюта ещё далеко... Ты служи! А Родина тебя не забудет!

– Да вы что, сговорились, что ли? В кадрах утешали, ты меня уговариваешь... Само собой, буду служить! Хоть в Алапаевске, хоть в Елани, хоть в любой другой дыре! Только хотелось бы, чтоб не до пенсионера... Ты же помнишь курсантскую присказку: в запас надо уходить в городе с метро!

– Будет тебе метро! – бодро пообещал Царедворцев. – В Екатеринбурге уже три станции действуют. К концу этого года первую ветку сдадут. Думаю, что к этому времени я тебе перевод организую...

– Свежо предание... – Слова Царедворцева напомнили Борисову недавно услышанный анекдот: Екатеринбургский метрополитен самый короткий и самый долгостроящийся в мире...

...Он успел прослужить в Алапаевске почти два года, когда в его рабочем кабинете раздался телефонный звонок.

– Товарищ подполковник, «Визит» на проводе! – сообщила знакомая телефонистка с бригадного коммутатора. – Соединяю!

– Спасибо, Тома! – поблагодарил Борисов, насторожившись. «Визит» – позывной штаба округа. «Кому я там понадобился?»

В допотопной трубке армейского «ТАИ-43» после короткого шуршания и потрескивания раздался слегка искажённый, но вполне узнаваемый голос Царедворцева:

– Здорово, Бор! Как ты там?

– Здравия желаю! Служу! А ты как?

– Тоже служу, – радостно хохотнул Царедворцев. – Вот, полковника получил! Приедешь обмывать?

При упоминании о «полковнике» в сердце у Борисова кольнуло – и у него подошёл срок присвоения очередного звания, да должность майорская не позволяет на третью звезду претендовать. Он поёжился, но не дал зависти ни одного шанса:

– Рад за тебя, мой друг! Поздравляю, товарищ полковник!

– Ну, ещё не полковник... – снова хохотнул Царедворцев. – На днях командующий погоны вручит, тогда уж... Так ты приедешь? В следующий четверг проставляюсь. Голубой зал ОДО. Начало в восемнадцать ноль-ноль.

Борисов замаялся:

– Кто ж меня отпустит, Николай? У нас на это время командно-штабные учения запланированы...

– Отпустят, – успокоил Царедворцев, – я ведь главное не сказал: должность для тебя нашёл. Начальником отдела боевой подготовки у меня в газете!

– Да какой из меня газетчик? Меня этому не учили! – от неожиданности стал упираться Борисов. – Я ни дня в армейской печати не служил, только в войсках да в училище...

– Ах, скотина неблагодарная! Я ему, сидящему на майорской должности в задрипанном Алапаевске, подполковничью в Екатеринбурге пробил, а он ещё и упирается... – оскорбился Царедворцев. – Ты мне это брось! Стихи пишешь! Две книжки уже издал! Вот-вот в Союз писателей вступишь! Неужто с газетными заметками не справишься? Тем паче в отделе боевой подготовки! Ты же – войсковой офицер, к работе в «поле» тебе не привыкать... В общем, жди! Завтра-послезавтра будет выписка из приказа! И не забудь: четверг, восемнадцать ноль-ноль!

Конечно, Царедворцев был прав. Борисов работы в полевых условиях не боялся и хотя никогда не служил в печатных изданиях, но заметки для этой окружной газеты в последнее

время регулярно писал. И поэтические сборники у него один за другим вышли: в «Воениздате» и в «Молодой гвардии»... И документы на приём в Союз писателей России уже в Москве...

И ещё, пока Борисов служил на родине Чайковского, они с местным композитором Цикалёвым написали гимн Алапаевска, который на всех городских мероприятиях поют:

Алапаевские зори
И крутой изгиб реки.
Дивный лес на косогоре
И рабочих смен гудки...
Это всё – моё родное,
Что судьбой своей зову,
Что останется со мною
До тех пор, пока живу...

«Где наша не пропадала! Уж, наверное, газетчиком быть – не сложнее, чем гимны слагать...» – решил Борисов и в назначенное время появился в Доме офицеров.

Царедворцев в новом парадном мундире с золотыми полковничьими погонами представил его коллективу редакции:

– Коллеги! Прошу любить и жаловать – новый начальник отдела боевой подготовки подполковник Борисов Виктор Павлович!

А на ухо Борисову шепнул:

– Помни, я теперь – твой непосредственный начальник. Так что соблюдай субординацию – и никакого панибратства! – При этом Царедворцев добродушно улыбался.

– Есть – никакого панибратства и соблюдать субординацию, товарищ полковник! – прищёлкнул каблуками Борисов.

– Только давай без этого солдафонства – не на плацу! У меня в редакции принято обращаться друг к другу по имени-отчеству... – Царедворцев указал на один из десяти столиков, расставленных в два ряда. – Вот ваш стол, Виктор Павлович! Отдыхайте, веселитесь, а завтра в девять утра жду у себя в кабинете. Попрошу не опаздывать!

Соседями по столу у Борисова оказались два майора и сухопарый старичок-ветеран.

Майоры представились:

– Валерий Исмаилович Амирханов – отдел культуры и быта.

– Вадим Юрьевич Дулов – молодёжный...

Ветеран с орденскими планками назвался Егором Ивановичем Мильковым.

– А я ваши стихи знаю, Виктор Павлович, – с ходу огорошил он. – Давно за вашим творчеством слежу, ещё когда вы курсантом Курганского училища были и у нас, в «Красном воине», свои первые опусы публиковали. Году, кажется, в семьдесят седьмом...

От неожиданности Борисов растерялся:

– Так точно, публиковал что-то в семьдесят седьмом...

– А я тогда в этой «богадельне» редактором был, в звании капитана первого ранга. По долгу службы все номера вычитывал. Вот и запомнил вас... Рад, что служить у нас будете, – продолжал старичок Мильков. – Талантливые люди в редколлегии нужны...

Майоры дружно закивали и потянулись к бутылке. Это оказалось весьма своевременным.

– Внимание, товарищи! – возвысил голос Царедворцев, сидевший за начальственным столом, под портретом Михаила Васильевича Фрунзе на коне. И Фрунзе, и конь были на себя не похожи: «Явно солдатское творчество».

Генерал-майор – начальник управления воспитательной работы округа с невыразительной фамилией Бурмасов и такой же невыразительной внешностью поднялся с бокалом в руке:

– За нового полковника российской армии! – провозгласил он. – За полковника Царедворцева!

Все встали, гремя стульями. Зазвенели рюмки и бокалы. Грянуло троекратное, дважды короткое, а третье – раскатистое «ура», и праздник начался.

Где-то между третьим и четвёртым тостом Борисов поинтересовался у Милькова, как это он сподобился в морском звании оказаться в сухопутном округе.

– Я ведь школу юнг Северного флота окончил – между прочим, вместе с будущим известным писателем Пикулем... Служил на торпедном катере, а после войны в военно-морское училище поступил. В журналистику меня уже позже судьба забросила. После редакторского факультета и направили на Урал, – пояснил Мильков и перевёл разговор на Борисова. – Это очень хорошо, что вы к нам из войск. Не хватает у нас в редакции настоящих боевых офицеров. Эти вот юноши, – кивнул он на майоров, – как после Львовского политучилища в газету угодили, так до начальников отделов и доросли... Что с них взять, если они не знают, как солдатские портянки пахнут! А журналист всё должен знать!

Майоры к их беседе не прислушивались, усиленно налегали на водку и закуски, о чём-то между собой переговариваясь.

Снова провозгласили тост за Царедворцева с пожеланием, чтобы он стал генералом.

Выпили за будущего генерала и Борисов с Мильковым.

Старый редактор, слегка «поплыв», заговорил о «политике»:

– Скажите мне, Виктор Павлович, как же это вы страну профукали? Не вы лично, конечно, а всё ваше поколение... Мы её в такой войне отстояли, такому врагу хребет переломили, а вы...

Борисов поморщился: тема была больная и неоднозначная. Он и сам не однажды задавал себе вопрос и не мог ответить, как так вышло, что могучая страна, в которой много «лесов, полей и рек», враз развалилась, а армия, «легендарная и непобедимая», о которой народ слагал песни, не встала на защиту своей удивительной страны. И он, Борисов, в том числе не встал. Потому и живёт сейчас, чувствуя себя офицером, потерявшим честь. Ведь не защитил он СССР «ценою своей крови и самой жизни», как обещал в юности, когда принимал присягу...

– А что мы, Егор Иванович? Мы растерялись... – вырвалось у него. – Да, был бы только приказ – защитить... Но ведь приказа-то не было!.. Вышние начальники трусили, да и мы... Никто на себя смелость не взял предателей арестовать и вакханалию в стране остановить!

Мильков покачал головой:

– На труса вы вроде не похожи... Да, вижу, и повоевали... – кивнул он на голубую колодку медали «От благодарного афганского народа». – Простите меня, старика, что завёл об этом речь... Только, поймите, ноет здесь... – ткнул он пальцем в свои орденские планки – ровень с сердцем.

Они выпили ещё по одной. Молча, как будто за упокой страны, которой оба присягали.

Тут заиграл офицерский вокально-инструментальный ансамбль «Поворот». И хотя пели что-то патриотическое, про родной Урал и «ершистый уральский характер», песня Борисову не понравилась. И даже не словами, а манерой исполнения: как будто и не офицеры поют, а лицедеи, надевшие на себя чужие, не принадлежащие им, мундиры.

– А вы, Егор Иванович, приглашены на банкет по старой памяти или как? – осторожно спросил он.

– Зря списываете старика со счетов, Виктор Павлович! Я сейчас в газете отделом писем заведу. Вон, поглядите, справа от нас, через столик, мои кадры сидят...

Борисов оглянулся. За столом, на который указал Мильков, сидели женщины – две помоложе и две постарше.

С одного взгляда, по холостяцкой привычке, Борисов оценил, что все они вполне себе привлекательные и «в соку».

– Неужели все ваши? – переспросил он.

– Две – мои, а две – из бухгалтерии. Те, что повзрослее... Но вы на возраст внимания не обращайтесь... – Умудрённый Мильков изложил сразу всю диспозицию: – Докладываю вам совершенно определённо, что все дамы – одинокие и порядочные... А вы сами – женаты, Виктор Павлович?

– В разводе уже семь лет...

– Тогда не тушуйтесь, – посоветовал Мильков. – Это нам, старикам, на амурном фронте одно остаётся – мемуары писать. А вам, молодым, и флаг, как говорится, в руки!

Борисов снова поглядел в сторону столика с дамами. На этот раз – пристальней. Тут он и заметил Ингу...

3

Слова, сказанные женой за обедом, как будто в шутку: «А вы не подумали, Виктор Павлович, что это вам адресовано?..» – занозой засели у Борисова в мозгу: определённо это он уже слышал.

Борисов познакомился с Ингой так, как советовал знакомиться с дамами герой Дюма – мушкетёр Д'Артаньян: «Хочешь произвести на женщину неотразимое впечатление – окажи ей услугу, выручи в трудной ситуации, а ещё лучше – спаси от беды».

Когда по совету ветерана Милькова Борисов приглядывался к сотрудницам редакции и выделил среди них Ингу, он поначалу даже не понял, чем именно она привлекла его внимание. Инга не соответствовала типу женщин, которые ему нравились прежде. Блондинка Серафима с голубыми, с поволокой, вечно печальными, как у бурёнушки, очами и темпераментная шатенка Майя, после романа с которой Борисов решил, что больше влюбляться не станет ни за какие коврижки, обладали довольно пышными формами. Рыжеволосая, коротко стриженная Инга отличалась от них какой-то детской беззащитностью. На удлинённой, как у Нефертити, шее – ниточка красных бус, изящные, как у скрипачки, пальцы.

«Она в семье своей родной казалась девочкой чужой...», – сразу определил он Ингу в разряд «романтических героинь», хотя ничего общего с уездной барышней девятнадцатого века в ней и не наблюдалось.

Когда она в коротком чёрном платье прошла по залу, он взглядом знатока оценил лёгкость её походки и стройность ножек на шпильках.

Всё подмечающий ветеран Мильков одобрительно подмигнул, мол, девушка что надо, и назвал её имя – Инга – необычное, колкое, как игла.

Возникновение метафор, как знак пробуждения поэзии в душе, это самый верный признак того, что девушка Борисова «зацепила».

Между тем начались танцы. И, поскольку женщин в компании оказалось меньше, чем мужчин, представительницы прекрасной половины человечества были нарасхват.

Первыми ринулись в «бой» майоры Валерий Исмаилович и Вадим Юрьевич. Будучи уже изрядно подшофе, они пригласили на танец двух соседок Инги и теперь медленно перетаптывались в дальнем углу зала со своими партнёрами.

Борисов танцевать не любил, хотя в юности некоторое время ходил в школьный танцевальный кружок, но, скорее, за компанию с Царедворцевым, чем по собственной инициативе. Он неожиданно ревнивым (хотя с чего бы ему было ревновать?) взглядом проводил кавалера, который попытался пригласить Ингу на танец, и порадовался, когда она отказала: «Извините, я не танцую».

«Привередливая барышня... – одобрительно подумал Борисов, чокаясь с Мильковым. – А почему она на банкет пришла и не танцует? Ну, нет сегодня у барышни настроения танцевать!»

Музыканты заиграли очередной блюз.

К Инге вальяжно приблизился генерал Бурмасов. Он склонился к ней так низко, что Борису стала видна большая плешь на его макушке.

До Борисова донеслось уже знакомое «Извините, я не танцую...», но генерал не привык, чтобы ему отказывали. Он продолжал настаивать и после повторного отказа потянул Ингу к себе за руку.

Она закрутила головой, словно ища защиты. Борисов перехватил этот взгляд «испуганной лани» и вскочил из-за стола.

– Осторожней, Виктор Павлович... – предостерег вдогонку Мильков.

В несколько шагов Борисов оказался рядом с генералом Бурмасовым и крепко сжал его локоть:

– Извините, но девушка обещала этот танец мне! – негромко сказал он.

Бурмасов от подобной наглости растерялся, выпустил руку Инги, тут же проскользнувшей за спину Борисова.

– Вы что себе позволяете? Вы не знаете, кто я? – Шея у Бурмасова побагровела, а лицо стало серым.

Борисов сдержанно улыбнулся:

– Хорошо знаю, товарищ генерал-майор. Но мы же не в строю, и танец мне уже обещан...

Бурмасов отступил назад и окинул Борисова прищуренным взглядом:

– Ну-ну, подполковник, дерзайте... – и удалился к «начальственному» столу.

Борисов обернулся к Инге, мол, ничего не поделаешь, барышня, а танцевать вам всё же придётся. Вот тут он и услышал:

– А вы не подумали, Виктор Павлович, что это и вам адресовано: я не танцую!

Борисов так и застыл с протянутой рукой – вот она, женская неблагодарность, и, не сразу найдя что ответить, спросил:

– Откуда вам известно моё имя, Инга?

В испуганных глазах Инги запрыгали «смешинки»:

– А вы откуда знаете моё? – Она вдруг звонко рассмеялась. И смех её, напоминающий серебряный колокольчик, сразу «растопил лёд недоверия между ними», как пишут обычно в дамских романах. – Хорошо-хорошо. – Она протянула ему руку. – Для вас, «победитель генералов», так и быть, сделаю исключение...

Они вышли к танцующим.

Инга положила свою лёгкую, как пушинка, ладонь ему на погон. Борисов осторожно приобнял её за талию и сделал несколько шагов, радуясь тому, как Инга движется в такт музыки, как угадывает его движения.

«Гармония в танце – знак добрый», – подумал он и пошёл в наступление:

– А хотите, я вам стихи читаю?

В её зеленовато-карих глазах снова заплясали «солнечные зайчики»:

– Чьи стихи? Мандельштама?

– Нет, мои... – нахмурился он, уловив в её голосе иронию: точно – игла.

– Не надо, – мягко сказала она.

Стандартный способ обольщения с этой барышней не сработал, но отступить Борисов не собирался.

– Вы что же, совсем стихов не любите, Инга? – с вызовом, чтобы скрыть своё разочарование, спросил он.

– Отчего же не люблю, – снисходительно произнесла она. – Очень даже люблю. Скажем, Гейне в переводе Лермонтова: «Не пылит дорога, не дрожат кусты. Подожди немного – отдохнёшь и ты...» Возможно, и у вас стихи замечательные. Однако здесь ваш «творческий вечер» кажется мне неуместным: мы же танцуем!

Борисов оживился:

– Так давайте, Инга, найдём тихое место, где это будет уместно...

Инга снова засмеялась:

– В другой раз... Может быть.

Её смех обладал каким-то волшебным воздействием. Едва «колокольчики зазвенели», Борисов тут же растаял:

– Отлично, Инга. Я запомнил ваше обещание!

– If a lady says yes...

– Знаю, знаю: если леди говорит «да», то она говорит «нет». Но всё же оставляет надежду...

После танца он проводил Ингу к столику и, пока не вернулись её соседки, поинтересовался:

– А могу я узнать номер вашего телефона?

– Телефона у меня нет.

– Жаль... Я мог бы вам стихи по телефону прочитать... – Борисов очень хотел понравиться Инге. Он понимал, что стихи – его «безоткатное десантное орудие», без которого штурм обречён на провал:

– Обязательно прочтёте когда-нибудь! Мы ведь завтра увидимся в редакции...

Тут вернулись шумные соседки Инги.

Борисов откланялся и направился к своему столику. Его провожали женские изучающие взоры и недобрый взгляд Бурмасова.

Мильков своей горячей и сухой ладошкой сжал руку Борисова:

– Ну, вы – герой, Виктор Павлович! Да-а-а... И довольно безрассудный! Впрочем, как и положено поэту... Такого врага себе на ровном месте нажили. Могущественного! Я этого Бурмасова с лейтенантов помню... Знаете, какое у него в штабе округа прозвище? «Дятел»... Вот так-то! А прозвища в армии просто так не дают! Берегитесь теперь...

Инга вскоре незаметно ускользнула с банкета, и поговорить Борисову с ней больше не удалось. А вот с Царедворцевым разговор состоялся сразу после окончания застолья.

– Не с того начинаешь! – сердито сказал Царедворцев, когда они вышли из ОДО. – Не с того!

– О чём это вы, Николай Васильевич? – насмешливо протянул Борисов.

– Не валяй дурака! – прошипел Царедворцев. – Надо тебе было так разозлить начальника управления воспитательной работы! Я, между прочим, через него тебе должность пробивал. Охарактеризовал тебя как перспективного офицера, талантливого, понимаешь, литератора... А ты!? Не мальчик ведь уже... Далась тебе эта Рыжова!

– Какая Рыжова? – сделал невинное лицо Борисов, хотя и догадался, чья это фамилия.

– Та самая, с которой ты кренделя выводил! Ишь, перья распустил, петух... из Алапаевска. – Царедворцев, похоже, разозлился не на шутку. – Я тебе, Бор, в первый и последний раз по-дружески говорю: ты это брось! Никаких шашней у себя в газете я не потерплю! У нас военное издание, а не дом терпимости!

– Но ведь журналистика – вторая древнейшая профессия... – всё ещё пытался шутить Борисов.

– В общем, я сказал, а ты меня услышал! – отрезал Царедворцев. – Чтоб к Рыжовой даже и не приближался! Уяснил?

– Так точно, товарищ полковник, уяснил, – козырнул Борисов: «Что же это такое? Как только власть людям в руки попадает, так с ними сразу что-то происходит... Как будто крыша съезжает набок!»

– Рад, что ты меня понял, – козырнул в ответ Царедворцев, сел в подъехавший редакторский уазик и уехал, не предложив Борисову подвезти.

Борисов пошёл в уже знакомую гостиницу, где оставил свои вещи, на ходу продолжая диалог с Царедворцевым: «Какой бы ты, Коля, мне друг и прямой начальник ни был, а свою личную жизнь я буду устраивать по собственному разумению».

Через год они с Ингой расписались.

4

На следующее утро, по пути на работу, Борисов снова остановился в арке перед надписью, появившейся вчера. Чёрные неровные буквы, начертанные неизвестным «правдолюбом», вскрывали запутанную историю чьей-то любви и предательства с грубостью штык-ножа, препарирующего банку армейской тушёнки.

Во времена молодости Борисова было не принято расписывать стены подобными откровениями. Самое большее, на что могли решиться томимые любовью соотечественники, так это ножичком вырезать на лавочке в парке сердце, пробитое стрелой, или сакраментальную фразу: «М. + В. = Л.» Американская манера расписывать стены домов и подъездов баллончиками с краской, распространившаяся в России после распада Советского Союза, поначалу очень раздражала Борисова. Он все эти «граффити» на дух не переносил, пока однажды на стене дома, стоящего напротив редакционных окон, не появился огромный портрет первого космонавта планеты с голубем, взлетающим с ладони.

Юрий Алексеевич Гагарин получился, как живой, широко улыбающийся, ясноглазый. Для Борисова, родившегося за два года до его полёта, Гагарин был кумиром с раннего детства. Равняясь на него, он решил поступать в лётное военное училище в Оренбурге, да провалил комиссию по зрению. Вот и пришлось идти в Курганское авиационное военно-политическое, где требования по медицине не такие суровые... Портрет Гагарина придал новую жизнь облупившемуся торцу старенькой «хрущобы» и немного примирил Борисова с «наскальными» рисунками. Но одно дело – художественное изображение первого космонавта и совсем другое – безобразные монстры или откровения – за гранью допустимого...

Борисов ещё раз прочитал надпись и зацепился взглядом за знаки в конце предложения, на которые вчера и не обратил внимание. Двоеточие и скобка —:) – для чего они и что означают? Он продолжал разгадывать этот ребус, когда ехал в троллейбусе в сторону центра, но ответа так и не нашёл.

Редакция журнала «Рассвет» располагалась в пяти больших комнатах с высокими и вечно подтекающими потолками на четвёртом этаже ветхого здания, построенного ещё до войны в стиле советского конструктивизма. Наверх вела широкая лестница с потёртыми перилами и крутыми, как на Голгофу, ступенями. Это сравнение Борисов придумал в ту пору, когда служил в армии и носил в «Рассвет» свои стихи в надежде опубликовать их. Был в этой метафоре особый подтекст – многие, поднимающиеся в редакцию стихотворцы, подвергались на «Голгофе» «распятию».

Несколько десятилетий отдел поэзии в журнале возглавлял неприметный человек по имени Александр Сергеевич, который сам грешил сочинительством. Его монотонно-бесцветные стихата из номера в номер появлялись на разворотах «Рассвета», вызывая у всех, кроме автора, оторопь и недоумение. Однако сам он считал себя если не ровней «солнцу русской поэзии», то вторым после него. Но, в отличие от своего гениального тезки, восклицавшего: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое...», других поэтов этот Александр Сергеевич не любил и рубил на корню. Особенно если полагал, что они могут составить ему хоть какую-то конкуренцию. На стене рабочего кабинета этого вершителя поэтических судеб висела табличка: «Комитет вечности». Под ней стояла урна для мусора. Александр Сергеевич, назначив себя «председателем комитета», безжалостно отправлял в урну рукописи начинающих и уже состоявшихся

поэтов. В числе «распятых» не единожды оказывался и Борисов, уже являясь членом Союза писателей. И хотя в других изданиях Борисова печатали охотно, здесь давали от ворот поворот.

– Пока я жив, стихов Борисова в «Рассвете» не будет! Это не поэзия, а версификаторство! В стихах не должно быть столько мыслей... Настоящие стихи – не от мира сего, они вещают о том, что словом выразить невозможно... А у Борисова всё слишком просто и понятно. Так любой написать сможет... – безапелляционно заявлял «инквизитор».

Лишь после его ухода на пенсию Борисов стал постоянным автором журнала – и как поэт, и как прозаик.

– Густо пишешь, Виктор Павлович! Густо! Твои тексты просты и понятны, как жизнь! Вот, скажем, в рассказе про украинский борщ – аж ложка торчит! – хвалил его Жуковский.

Когда же по сокращению штатов Борисов вылетел из армии, подобно пробке из бутылки шампанского, Жуковский с распостёртыми объятями принял его в журнал «Рассвет» заведующим отделом публицистики.

...В утренний час в редакции было пустынно. Основная масса сотрудников приходила на работу к двенадцати. Только за стеклянными дверями корректорской горел свет.

«Суламифь Марковна здесь. Значит, и Изя уже на месте...», – констатировал Борисов, проходя по скрипучим половицам коридора в свой кабинет.

Он, по выработанной годами армейской привычке, являлся в редакцию пораньше: ему нравилось работать с рукописями в тишине, да и думалось в это время лучше.

Сегодня Борисову надо было сдать материалы в следующий номер.

«Если заявление Жуковского о прекращении финансирования соответствует действительности, то этот номер может стать последним вообще...» – но Борисов всё же надеялся, что пробивной и пронырливый главред что-то придумает и журнал не закроют...

Он планировал сегодня поговорить с «Шерочкой и Машерочкой» без посторонних ушей, поэтому отложил свои дела и направился к Лифшицам.

Мамаша и сынок Лифшицы были парочкой колоритной и постоянно в редакции обсуждаемой. Грузная и седовласая Суламифь Марковна опекала своего сорокалетнего сына, работавшего в «Рассвете» верстальщиком и «компьютерным гением», как будто ему только вчера исполнилось пять лет. Она приводила Изю на работу и уводила с работы таким же манером, каким мамыши уводят своих детишек из детского сада – за руку. Раз по сто на день эта «идеальная мать» заглядывала в «компьютерную», чтобы поинтересоваться, как у Изю идут дела, не голоден ли её «милый мальчик», не открыта ли у него форточка, из которой непременно сквозит, и он-таки может простудиться и заболеть... А как она ухаживала за ним на редакционных посиделках! Как зорко следила, чтобы Изя не выпил больше трёх рюмок и закусывал после каждой! При этом Суламифь Марковна всё время подкладывала ему на тарелку самые вкусные кусочки, а после окончания застолья торопливо собирала остатки угощения в пакетик – «сыночку Изечке» на завтрак...

Борисову особенно нравилась история о том, как Лифшицы ходили на поминки к старшей, знавшей лично Горького и Бажова, поэтессе Холминской, почившей на сто втором году жизни.

– И зачем мы только дома поели?... – горестно вздыхала Суламифь Марковна на следующий день. – Такой вкусный супчик был у Изабеллы Юрьевны на поминальном обеде, что хотелось вторую порцию попросить...

Но мамаша Лифшиц вообще-то любила не только своего Изю и покушать, но и всемирную литературу тоже. Она была страстной поклонницей Бродского и Аполлинера, чей «Мост над Мирабо», старательно грассируя на подозрительном французском, читала на каждом из редакционных застолий, вызывая восторги у одной части публики и недовольство у немногих прочих, обожающих Рубцова и Есенина.

К Борисову она всегда относилась по-доброму. Его стихи снисходительно величала «традиционными» и вполне себе «стихами», хотя, конечно, не идущими ни в какое сравнение с произведениями её кумиров. Особенно Суламифь Марковна любила поговорить с ним о российской политике и глобальных мировых проблемах, смоля при этом одну за другой сигареты с ментолом.

Курила она всегда и везде, невзирая на таблички «Не курить!» и Федеральный закон «О запрете курения в общественных местах». Главред Жуковский, скрипя зубами, мирился с этим её недостатком, как с неизбежным злом: Суламифь Марковна была лучшим корректором в городе, да и без Изи журнал так красиво не сверстать...

Борисов сам никогда не курил и курящих дам не любил. Вредная привычка Суламифь Марковны его тоже раздражала. Но, несмотря на облако дыма, постоянно клубящееся вокруг неё, он уважал эту ироничную даму, умеющую в нужный момент терпеливо выслушать собеседника и дать мудрый совет. Ему нравилась её самоирония по поводу собственной внешности. Суламифь Марковна слегка косила на левый глаз, но не стеснялась этого, а отшучивалась: «Я таки всегда гляжу налево!»

В вопросах политики их взгляды никогда не сходились. Хотя она, в неизвестно когда случившейся юности, успела поработать партучётчицей в райкоме партии и считала Борисова как бывшего политработника «нашим человеком», но звала его «закоренелым консерватором». Сама же предпочитала придерживаться сугубо либеральных идей. Однако не упускала случая покритиковать и либералов.

Вот и на этот раз, когда он заглянул в корректорскую, Суламифь Марковна, глядя куда-то мимо, воскликнула:

– Виктор! – Она всегда называла его на французский лад, делая ударение на последнем слоге. – Эти либералы – это же чёрт знает что такое!

– Здравствуйте, Суламифь Марковна! О чём это вы? – не понял Борисов её спонтанной тирады.

– Как это о чём? Конечно, об этом Ельцин-центре... О нём же все только и говорят... Вы разве телевизор не смотрите?... Тоже мне – бывший политработник! Слышали, сколько он стоит?

– Кто? Телевизор?

– Да нет же – Ельцин-центр! – Суламифь Марковна закатила глаза. – Это же уму непостижимо! Семь миллиардов! И это всё наши с вами государственные деньги! Прикиньте: только из бюджета области – два миллиарда! Да этих деньжищ хватило бы, чтобы наш «Рассвет» издавался, пока мой Изя не станет дедушкой, и его внуки тоже не станут дедушками, и внуки внуков Изи... Подумайте только, до конца двадцать первого века подписчики могли бы получать наш прекрасный журнал... Теперь, надеюсь, вы меня понимаете, Виктор? – Она глубоко затаилась и выпустила в сторону Борисова струю дыма.

«Похоже, и она знает, что нас не будут финансировать со следующего месяца...» – закашлялся он.

– Ах, Суламифь Марковна! Кхе-кхе... Что нам с вами эти деньги, потраченные на Ельцин-центр? Пусть бы себе стоял, если бы вреда не приносил... Кхе-кхе... Главное то, чему там молодёжь учат, какие идеи ей в голову закладывают! А если идеи разработаны за «бугром» и против нашей истории нацелены, то это никакими деньгами не компенсируешь... И нашим с вами «Рассветом», увы, тоже! Кто теперь из молодых читает литературные журналы?

– Да-да, – подхватила Суламифь Марковна. – Вы совершенно правы, Виктор: идеи и молодёжь – это главное! – Она снова глубоко затаилась, запрокинула голову и выдохнула дым, который тут же окутал её седое чело наподобие фимиама.

Воспользовавшись возникшей паузой, Борисов перевёл разговор на то, что волновало его:

– А что бы вы, Суламифь Марковна, посоветовали человеку, узнавшему, что его жена спит с другим?.. – Он едва не добавил «мужчиной», ибо в век сплошной толерантности уточнить половую принадлежность в разговоре о том, кто с кем спит, уже не стало казаться чем-то диким, как, впрочем, и сами разговоры на подобную тему, но тут же прикусил язык – Суламифь Марковна в вопросах пола придерживалась вполне консервативных взглядов, и это уточнение было неуместным.

Она повела косящим глазом так, точно хотела вернуть его на нужное место:

– Вы это, простите великодушно, Виктор, о себе или вообще интересуетесь?

– Вообще. Для своего нового рассказа... – ляпнул он первое, что пришло на ум.

– А скажите в таком случае, господин сочинитель, ваши герои, ну, этот муж и эта его жена, таки любят друг друга? – Новая тема пришлась ей по душе.

– Наверное, любят... – замялся Борисов. – Полагаю, что да.

Суламифь Марковна смяла своей пухлой рукой пустую пачку из-под сигарет:

– Тогда пусть родят ребёнка, и все эти глупости волновать их перестанут.

– А если им уже поздно? – Борисов невольно выдал себя и тут же оправдался: – Герой мой, он мне почти ровесник, ему уже шестой десяток идёт, а жене его – за сорок!

– Родить никогда не поздно, – уверенно изрекла Суламифь Марковна.

«Ещё бы вспомнила библейскую историю про Авраама, которому было восемьдесят шесть лет, когда он впервые стал отцом, а второго сына обрёл в девяносто девять... Хорошо Суламифь Марковне рассуждать о детях: она не знает, что такое потерять своё чадо... – Борисов вспомнил их с Серафимой любимую дочь, трагически погибшую в пять лет. Тогда всё и начало сыпаться... – И с Ингой я детей не захотел именно потому, что боялся новых потерь...»

Борисов вежливо поблагодарил Суламифь Марковну за совет и направился к Изольду, надеясь у «компьютерного гения» и знатока молодёжного сленга выпросить, что могут означать двоеточие и скобка в арочной надписи. Изольд был точной копией своей «маман», только в более молодежском виде. Он встретил Борисова равнодушно-приветливо – именно так и относятся к представителям «реального мира» люди «неонового зазеркалья». Вяло пожав Борисову руку своей узкой ладошкой, Изольд уставился на него большими печальными смоляными глазами: выкладывайте, мол, зачем потревожили – мне не до вас, надо нырять в «мировую паутину». Борисов без проволочек процитировал настенную надпись, правда, назвав при этом Витьку Васькой, и задал вопрос про непонятные знаки.

– Двоеточие и скобка – это улыбающийся «смайлик», – снисходительно прокомментировал Изольд, почёсывая свои давно не стриженные лохмы. – Такие жёлтые, круглые мордашки в сообщениях присылают... Получали?

– Ну да, случилось! И что же «смайлик» в данном контексте означает? – Логика нового поколения Борисову была непонятна.

– Кто-то прикалывается, «троллит» вашего Ваську. Если сказать простыми словами, высмеивает его, публично объявляет, что у этого Васьки рога на голове растут! Оленьи! Сообщает вроде бы на полном серьёзе, а сам смеётся над Васькой и призывает посмеяться всех, кто прочтёт!

– Про «смайлик» я, кажется, понял... И про «троллинг» знаю, что это такая сетевая провокация, – вздохнул с облегчением Борисов. – Так, значит, это какие-то молодые люди друг над другом прикалываются?

– Может быть, и молодые, а может, и нет... – снова потрепал свою шевелюру Изольд. – Сейчас в компьютерах и старички шарят... Продвинутые... Не все же, простите, Виктор Павлович, такие «деревянные» пользователи, как вы...

– Конечно, не все, – кивнул Борисов.

Разговор с Изей Лившицем немного успокоил его, укрепив в мысли, что надпись в арке – всё-таки дело рук каких-то молодых шалопаев, которым занять себя нечем.

«Троллинг»! Ну и словечко придумали! Им забава, а кому-то – горе!

Борисов живо представил, как, поверив этой дурацкой шуточке, какой-нибудь мужик по имени Виктор начнёт разборки со своей благоверной... Слово за слово, устроит ей скандал посреди ночи... Соседи вызовут полицию... Мужик повинится, пообещает вести себя хорошо, а когда наряд уедет, распустит руки и за нож схватится... Баба завизжит, кровь брызнет в разные стороны... А дальше – обведённый мелом силуэт на полу и дети-сироты... Картинка прямо для сюжета местного скандального тележурналиста Шеремута.

«Такая молодёжь пошла безалаберная, зацикленная на себе! Что им другие люди, их переживания, их чувства?.. – грустно подумал Борисов. – Каждый теперь – центр Вселенной, и все выёживаются, выделяются, самоутвердятся хотят! Неужели мы в юности такими же были? – задал он себе неудобный вопрос. И, подумав, констатировал: – Нет, мы точно были другими!»

Глава вторая

1

Прапорщика Павла Андреевича Борисова перевели служить в Челябинск на аэродром Шагол – механиком в «придворный» авиационный полк, обеспечивающий полёты курсантов штурманского училища, когда его сыну Виктору предстояло пойти в шестой класс. Свободного жилья в гарнизоне не нашлось, и Челябинская КЭЧ выделила Борисовым однокомнатную «хрущёвку» в Металлургическом районе. По договору квартира предназначалась для временного проживания, пока её хозяин – штурман, служил в Группе советских войск в Германии.

Переезд совпал с началом нового учебного года. И школа оказалась поблизости – на улице Богдана Хмельницкого – старинная, с колоннами на входе, с гулкими лестничными пролётами и широкими коридорами.

– У нас лучшая школа в районе, – предупредила, разглядывая документы Борисова, строгая завуч в пенсе со шнурочком, как в кино у дореволюционных учительниц. – Надеюсь, Виктор, успеваемость у тебя не снизится... Смотри, если ты собираешься плохо учиться, то придётся искать другую школу...

– Он будет стараться, Нина Алексеевна, – ответила за оробевшего сына Татьяна Петровна.

– Старайся, Борисов! – напутствовала строгая Нина Алексеевна, определив его в шестой «г». – И чтоб никаких безобразий!..

Через пару дней обучения в «лучшей школе района» Борисову устроили «прописку». Он немного задержался после уроков, перекладывая книги и тетради с парты в новенький портфель. Все ученики уже разошлись, только у доски копошилась дежурная по классу. Борисов, закончив сборы, уже направлялся к выходу, когда в класс вошли несколько его одноклассников. Возглавлял их второгодник и закоренелый двоечник Щуплов. Рослый, на голову выше всех остальных, он, неизвестно по какой причине, сразу невзлюбил Борисова: норовил толкнуть его или, проходя мимо, зацепить плечом. Борисов уклонялся от столкновений, но теперь отступать было некуда.

– Катька! Брысь отсюда! – прицыкнул Щуплов на дежурную. Она стремительно выбежала из класса, забыв свой портфель.

Щуплов и двое пацанов подошли к Борисову вплотную, а ещё один остался у двери – на «шухере».

Пацаны схватили Борисова за руки, а Щуплов вырвал портфель и швырнул его в сторону. – Ты чё, щегол, в наш класс припёрся? – сквозь зубы процедил он. – Вали отсюда!

– Куда валить? – растерялся Борисов.

Щуплов коротко без замаха ударил его в нос. Кровь брызнула на пионерский галстук и на белую рубашку. От удара у Борисова выступили слёзы. Он с детства не любил драки, хотя и участвовал в них несколько раз. Но делал это без особого энтузиазма, скорее, за компанию. В Шадринске, где раньше жил, несколько раз ходил с ребятами в соседний двор драться – стенка на стенку. А тут он даже сообразить ничего не успел. Щуплов, воспринявший его слёзы как признак слабости, схватил Борисова за грудки и тряхнул так, что затрещали пуговицы на школьном пиджаке.

– Ты чего дерёшься? – Борисов стал отчаянно вырываться из рук своих учителей, лягнул одного из них ногой, но снова получил по носу.

В этот момент дверь в класс приоткрылась, и в проём просунулась чья-то голова.

Пацан, стоящий у двери, вытолкнул «голову» обратно и захлопнул дверь. Началось «перетягивание каната» – дверь то открывалась, то закрывалась.

– Атас! Атас! – Пацаны, удерживающие Борисова, заменжевались.

Щуплов оглянулся на дверь и костлявыми пальцами больно сжал Борисову горло.

– Не вздумай пожаловаться, а то я из тебя весь ливер вытряхну... – грозно пообещал он.

Тут дверь распахнулась.

Подручный Щуплова не удержал равновесия и вылетел в коридор, а в класс ворвался, как ветер, светловолосый мальчишка, примерно такого же возраста, как сам Борисов.

– Оставьте его! – звонко крикнул он.

Как ни странно, пацаны подчинились. И даже Щуплов, ещё мгновение назад – всемогущий, как-то сразу скис и спрятал руки за спину.

– Ты что, Щуплов, снова захотел на совет дружины? Как тебе не стыдно! Ты разве забыл, что за тебя вся школа поручилась? Тебе же дали последний шанс стать настоящим советским человеком... Вот снимем с тебя пионерский галстук, и вылетишь из школы в один миг! Тебя даже в ПТУ не возьмут... И вас, Губайдуллин и Парфентьев, это касается! – обвёл учителей суровым взглядом незнакомый мальчишка. – Вот что я вам скажу, товарищи пионеры! Идите-ка по домам и больше не приближайтесь к нему... – указал он на Борисова. – Никогда! Ясно?

– А мы – ничё! Мы просто пошутили... Нормальный пацан... Борисов, скажи ему, что пошутили... – забормотал Щуплов и вместе с «приблизёнными» ретировался.

Мальчишка протянул Борисову носовой платок:

– Возьми – у тебя кровь!

Борисов взял платок, забыв, что в кармане лежал точно такой же.

– Я Коля Царедворцев, из шестого «а», – сказал мальчишка. – А тебя как звать?

– Витька, – зажимая разбитый нос платком, прогундосил Борисов.

– Ты лучше сядь и голову закинь, – посоветовал новый знакомый. – Так быстрее кровь остановится...

Борисов послушно уселся за парту и закинул голову:

– Спасибо тебе, Коля! Если б не ты, мне б сильнее досталось... Я им сдачи дать не мог – руки крепко держали...

– Кулаками не всё решишь! Головой работать надо!

– Головой я не пробовал. А ногой одному всё же двинул! – Борисов вернул платок Царедворцеву. – Извини, замарал... А почему эта шпана тебя послушалась? Я понял, что Щуплов здесь, в школе, за главного...

Царедворцев задорно рассмеялся:

– Скажешь тоже! Главный здесь – я. Председатель совета дружины школы. Ясно? А этот Щуплов и его дружки Парфентьев, Губайдуллин и Сеницын давно уже на учёте в детской комнате милиции стоят. Держатся в нашей школе только потому, что мы взяли над ними шефство и обязательство к столетию Ленина их перевоспитать и перевести в твёрдые троечники. Знают,

что как только я директору расскажу про их художества, тут же загремят в специнтернат для несовершеннолетних преступников!

Он критическим взглядом окинул Борисова:

– В таком виде, Витька, тебе домой нельзя! Родители тут же побегут в школу разбираться... А оно нам зачем? Мы и так уже всё решили!

Борисов покачал головой:

– Не-е... мои не побегут... Отец всё время на службе, а мама как раз сегодня пошла на завод, на работу устраиваться...

– Всё равно, пойдём ко мне. Рубашку твою постираем... – решительно заявил Царедворцев. – Не бойся, у меня тоже сейчас никого дома нет.

Царедворцев жил на улице Сталеваров в пятиэтажном сталинском доме с башенкой.

При входе в подъезд в каморке сидел старенький, сурового вида, вахтёр, которому Царедворцев кивнул, как равному:

– Дмитрий Сергеевич, здравствуйте! Этот мальчик – со мной... Мы вместе учимся...

– Здравствуй, Николай Васильевич, – поздоровался с Царедворцевым вахтёр, окидывая Борисова цепким взглядом.

«Сейчас спросит, откуда у меня на рубашке кровь, и вызовет милицию...» – встревожился Борисов, прикрыл рукой пятно и громко сказал вахтёру: «Здрасьте!»

Царедворцев повлёк его за собой по лестнице вверх.

Борисов хотел спросить, для чего в подъезде сидит вахтёр и почему он обращается к Коле по имени и отчеству, но постеснялся: «Ещё подумает, что я никогда вахтёров не видал...»

Просторная с высокими потолками четырёхкомнатная квартира Царедворцевых располагалась на третьем этаже.

Царедворцев открыл дверь.

– Витька, не разувайся! Айда сразу в ванную, – предупредил он и первым двинулся по длинному коридору, застеленному ковровой дорожкой, на ходу поясняя: – Это у нас – зал. Это – комната родителей. Это – столовая, а это – моя. Но ко мне заглянем после, а сейчас займёмся тобой!

Ванная комната располагалась отдельно и была от пола до потолка выложена разноцветной керамической плиткой.

– Раздевайся! – распорядился Царедворцев.

Борисов послушно снял пиджак, галстук и рубаху.

– Вот тебе – мыло, вот – таз. Здесь – горячая вода, здесь – холодная. Кровь нужно сперва застирать холодной... – добавил Царедворцев с видом знатока. – Потом повесишь на сушилку – быстро высохнет. Давай, Витька, действуй! А я пока чайник поставлю...

Пока сохли постиранные рубаха и галстук, они в столовой за большим столом, покрытым накрахмаленной белой скатертью, пили чай с вишнёвым вареньем и рассыпчатым домашним печеньем.

– Вкусное печенье Елизавета Михайловна печёт! – довольно сказал Царедворцев. – Она у нас мастерица на все руки. Раньше в ресторане «Южный Урал» работала поваром, а мама её к нам переманила.

Борисов, уплетая печенье за обе щёки, снова постеснялся спросить, кто такая Елизавета Михайловна и зачем маме Царедворцева надо было её к себе переманивать.

После чаепития прошли в комнату Коли.

Обилие книг в застеклённых шкафах, чёрное матовое пианино у стены, над кроватью картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» – всё показалось Борисову необычным.

Он любил читать, а у Коли на полках теснились собрания сочинений Дюма, Жюль Верна, Конан Дойля, Стивенсона, Майн Рида...

– Ты всё прочитал? – с восхищением глядя на эти сокровища, спросил Борисов. – У нас, в Шадринске, в гарнизонной библиотеке за этими книгами целая очередь выстраивалась!

– Ещё не всё! Но обязательно прочитаю! Сейчас вот «Прерию» Фенимора Купера заканчиваю... Читал?

– Нет, только «Последнего из могикан» и «Зверобоя»...

– Я тебе дам почитать, – пообещал Царедворцев. – А фильмы с Гойко Митичем смотрел: «След сокола» и «Белые волки»?

– Конечно, смотрел! И «Верная рука – друг индейцев». Это мой любимый!

Оказалось, что у них интересы одни и те же – борьба краснокожих воинов со злыми «бледнолицыми собаками».

Они ещё долго говорили про отважных, благородных индейцев Виннету и Чингачгука, про коварных ковбоев и алчных бушхедеров, про то, из чего лучше делать лук и стрелы, как правильно метать томагавк и снимать с врага скальп...

– Если бы я жил в то время, обязательно пошёл бы воевать за краснокожих, только пока не решил, в какое племя идти – в делавары или сиу! – признался Борисов. – Ведь нельзя же, чтобы подлые бледнолицые так издевались над людьми...

Он вдруг вспомнил про Щуплова и его шайку, потрогал распухший нос и представил, как снимает со второгодника скальп...

– Не бойся, Витька, тебя больше никто не тронет! Мы теперь в одном племени – ты и я! – с горящими глазами сказал Царедворцев.

Он пошёл посмотреть, высохли ли рубашка и галстук, а Борисов, радуясь, что нашёл себе такого замечательного друга, продолжал разглядывать книги.

На одной из полок за стеклом стояла цветная фотография. На ней был запечатлён крепкий мужчина с алой лентой через плечо, с орденами Ленина и Трудового Красного Знамени и со Звездой Героя Социалистического Труда. Лицо мужчины показалось Борисову знакомым, как будто он раньше видел его по телевизору.

– А это кто, Коля, с наградами? – спросил он, указывая на фото, когда Царедворцев вернулся с рубашкой и галстуком.

– Мой отец, Василий Иванович, – гордо сказал Царедворцев.

2

Минувшие события в жизни человека, подобно камню на дне под слоем ила и песка, со временем становятся незаметными. Но стоит обернуться назад, и прошлое оживает, будто камень только что брошен и от него по воде расходятся круги...

Едва припомнил Борисов, как началась его дружба с Царедворцевым, так перед ним, словно картинки в фильмоскопе, стали разворачиваться, сменяя друг друга, фрагменты школьного детства, необычайно яркие и чёткие, как будто это случилось только вчера.

...Отношения у Борисова в школе со всеми одноклассниками наладились. И Щуплов с дружками стали относиться к нему вполне терпимо и даже с некоторым уважением: Борисов давал списать домашнее задание, мог подсказать на уроке ответ на сложный вопрос.

Через полгода Борисова выбрали в совет пионерской дружины, где председательствовал Коля Царедворцев.

Коля пользовался непререкаемым авторитетом не только среди ровесников, но и у старшеклассников.

Конечно, определённую роль в этом играл Колин отец – Василий Иванович Царедворцев, Герой Социалистического труда и почётный металлург.

В годы войны Василий Царедворцев трудился на металлургическом комбинате простым сталеваром, из месяца в месяц перевыполнял нормы выработки и за трудовые подвиги получил

из рук Всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина высшую награду страны. В послевоенные годы его направили на учёбу в Москву. После окончания института он стал мастером, затем – начальником цеха и заместителем директора родного комбината. А недавно Колиного отца избрали вторым секретарём обкома партии. Ему предложили квартиру в центре города, в обкомовском доме, но он предпочёл остаться жить в Металлургическом районе.

Потому-то Коля Царедворцев, будучи сыном такого высокого начальника, и продолжил учиться в их школе, самым фактом своего присутствия вызывая повышенное внимание всех учителей и даже директора Александра Семёновича Заварзина.

Борисов замечал, как Заварзин приветливо беседовал с Колей Царедворцевым. Бывший офицер-фронтовик, сухопарый, всегда прямой, с гордо вскинутой головой и ястребиным взглядом, он терпеть не мог криво повязанного галстука, плохо отутюженных брюк или не до блеска начищенных ботинок.

Впрочем, авторитет Царедворцева держался не только на уважении к его отцу и благосклонности директора. Коля и сам был, безусловно, достоин уважения. Аккуратист Царедворцев ходил всегда таким чистеньким и опрятным, что его можно было фотографировать для плаката «Образцовый пионер».

Всегда улыбчивый, ясноглазый, он, как «лампочка Ильича», излучал вокруг себя позитивную энергию. Именно Коля выступал инициатором ярких пионерских и комсомольских дел. Где бы он ни появлялся, сразу все взгляды обращались к нему, всё приходило в движение, начиналась бурная деятельность, затевалась игра, слышались смех и шутки... Одним словом, рядом с Колей Царедворцевым жизнь бурлила и кипела, становилась интересной и целеустремлённой.

– Будем ставить пьесу по книге «Тимур и его команда»! – как-то предложил Царедворцев. И тут же учитель русского языка и литературы Надежда Петровна согласилась стать режиссёром спектакля, а от желающих играть роли тимуровцев и хулиганов из шайки Квакина отбою не было. Даже второгодник Щуплов захотел сыграть роль злодея Фигуры, который в конце пьесы должен был исправиться... Коля, конечно, взялся за роль Тимура.

И репетиции, и сам спектакль прошли на «ура», и всех его участников, в том числе и Борисова, сыгравшего малозаметную и невыразительную роль Колокольчикова, директор школы наградил грамотами.

Коля Царедворцев, подобно главному герою пьесы, был бесстрашным и рискованным вожаком – не боялся, в случае чего, отступить от общепринятых правил.

Однажды объявили конкурс среди школ района по сбору металлолома. Тут же Царедворцев созвал совет дружины.

– Мы должны победить во что бы то ни стало! – провозгласил он. – Какие будут предложения?

– Посмотрим возле гаражей, там старые и ржавые запчасти выбрасывают... – сказал Борисов.

– Хорошо. Какие ещё идеи?

– Надо пройтись по частному сектору, – подала голос Валя Кунгурова, – там на помойках много всякого железа валяется.

– Молодец, Валентина, – похвалил Царедворцев. – Организуешь девчонок и – вперёд! А мы. – Он окинул взором ребят... – Мы пойдём другим путём!

Так называлась картина, висящая в кабинете истории, где был изображён молодой Владимир Ульянов, будущий Ленин, рядом с матерью Марией Александровной, плачущей по казнённому царём сыну Александру. Ленин уже тогда понял, что надо делать революцию!

В чём состоял «другой путь» Царедворцева, стало ясно позднее.

– Вот что, Витька, – сказал Царедворцев, когда заседание совета дружины закончилось и они вышли из школы, – ходить по дворовым помойкам и собирать старые чайники и ржавые

рамы от велосипедов – дело бесперспективное. Так никогда не победим! Надо лезть на металлургический комбинат!

– Как это – лезть? Там же охрана... – оторопел Борисов. – Ну, залезем, и что?

– Чудак-человек! На комбинате есть свалка металлолома... Чего там только нет! – Царедворцев мечтательно закатил глаза. – Рельсы, колодки для вагонных пар, трубы разного диаметра – словом, всё, что пойдёт на переплавку...

– А ты откуда знаешь?

– Я у отца много раз бывал, когда он заместителем директора работал...

– Так что же мы, воровать будем? – Борисов представил предстоящую вылазку и поёжился.

– Почему сразу – «воровать»? Мы вынесем то, что на комбинате годами лежит без дела! Сдадим металлолом! И он обратно на тот же ЧМК приедет. Только теперь уже прямо в доменную печь!

Убеждённость Царедворцева обезоруживала.

Вечером следующего дня они отправились на разведку.

Высокий бетонный забор сверху был перевит колючей проволокой и казался неприступным. Но Царедворцев и впрямь всё на комбинате знал. Он привёл Борисова к хорошо замаскированной, небольшой дыре в заборе. Протиснувшись в неё, они оказались на территории комбината.

Короткими перебежками, как разведчики на войне, добрались до кучи металлолома, вздымающейся выше пятиэтажки. Залегли в зарослях кустарника и стали наблюдать за окрестностями, ожидая, когда же появятся охранники из ВОХРа. Комбинат как стратегический объект охраняла военизированная охрана, вооружённая карабинами и наганами. Это тоже сообщил Царедворцев.

– А патроны у них боевые? – Перспектива быть убитым «вохровцами» Борисова не радовала.

– А ты думал холостые? – вскинулся Царедворцев. – Боишься, что ли? А ещё делавар!

За всё время сидения в засаде охранники так и не появились.

– Они сюда редко заглядывают, – успокоил Царедворцев. – И это нам на руку. Завтра, как стемнеет, пойдём на дело! – изложил он свой план. – Возьмём только надёжных ребят, и айда!

Затея Царедворцева Борисову была не по душе, но отказаться значит показать себя в глазах друга слабаком и трусом, и он согласно кивнул.

...До чего же жутко было лезть на комбинат в темноте, даже впятером! Всё окутывал мрак – в этой части комбината не оказалось ни фонарей, ни прожектора. Только луна, время от времени выглядывавшая из-за туч, освещала округу тусклым, неживым светом. Где-то в стороне лаяли сторожевые собаки. Борисову за каждым кустом мерещился «вохровец». А ещё не давала покоя мысль, что поступают они всё-таки неправильно, не по-пионерски...

А вот Коля Царедворцев ни в чём не сомневался. Негромко, но властно он отдавал распоряжения и сам первым брался за тяжёлый лом. Вместе они извлекли из кучи большой обломок рельса и, облепив его, как муравьи, повлекли к проёму в стене, замирая при каждом шорохе, озираясь и прислушиваясь и снова продолжая движение.

Повторив маршрут несколько раз, изрядно пропотев, создали у стены свою, малую кучу металлолома. Затем вытащили «добычу» за территорию комбината и спрятали чуть поодаль в присмотренной заранее яме. Сверху набросали веток.

– Всё, на сегодня, баста! – скомандовал Царедворцев. – Расходимся по домам, а то родители будут ругать! Завтра продолжим.

В течение недели они вытаскивали с комбината железный лом и прятали его в разных местах, чтобы, как выразился Царедворцев, не складывать «все яйца в одну корзину».

Удача была на их стороне: «железа» раздобыли много, и с охранниками ни разу не столкнулись.

В день сдачи металлолома договорились с отцом одного из ребят, работавшим шофёром на грузовике. Проехались по местам своих «схронов», загрузили добычу в кузов и привезли на школьный двор под восторженные возгласы школьников и учителей.

На районном конкурсе их школа, конечно, победила. И снова были грамоты и похвалы. И даже в «Пионерской правде» про их «трудовой подвиг» заметку опубликовали. Только осадок неприятный на сердце у Борисова остался. Эта «победа», грамоты, заметка в газете больше напоминали какой-то обман, а получать награды за обман – недостойно. Но все вокруг так шумно радовались успеху, что и Борисов тоже начал радоваться, и неприятный осадок сам собой рассосался.

В дни летних каникул после окончания шестого класса Царедворцев предложил:

– Витька! Поедешь со мной завтра к деду, в Коркино? Ему помочь надо. Считай, что это тимуровское поручение...

– Конечно, поеду, если тимуровское... А это далеко?

– Да нет... Километров двадцать пять... На автобусе от Южного автовокзала за час доберёмся... – пояснил Царедворцев и добавил: – Ты не беспокойся, деньги на билеты у меня есть!

...Дорога в Коркино пролегла между двумя озёрами – Смолино и Синеглазово. Бело-синий ЛАЗ весело катил по шоссе. Не успели окончиться городские сады, как уступами поднялась и потянулась на юг каменная гряда, поросшая березняком.

– Что это? Горы? – Борисову, никогда не бывавшему в горах, всё было внове.

– Скажешь тоже – горы! – хмыкнул Царедворцев. – Это отвал, порода из разреза, где уголь добывают. Дед мой там в войну работал. У него за это ордена есть! Конечно, не такие, как у отца, но всё равно – серьёзные.

– А как же на породе лес вырос?

– Ну, это ты у него спрашивай!

– У кого? – округлил глаза Борисов.

– У леса! – весело засмеялся Царедворцев.

Вскоре показалась белая стела с надписью «Коркино», и автобус свернул с оживлённой трассы.

У железнодорожного переезда промелькнул памятник шахтёру с отбойным молотком на плече, а дальше потянулись деревянные домики пригорода, который всё знающий Царедворцев окрестил «Тимофеевкой».

– Остановите у молзавода, – попросил он водителя автобуса и пояснил Борисову: – Здесь ближе будет...

Дед Царедворцева жил недалеко от отвала.

Каменный, на высоком фундаменте дом заметно отличался от соседних деревянных строений своими размерами и крышей, крытой металлическими полосами, блестящими на солнце.

– Дед у меня – куркуль, – одобрительно сказал Царедворцев. – Огород у него – о-го-го... Да ты сам сейчас увидишь!

Дед-куркуль оказался щуплым старичком с бородкой-клинышком.

– Меня зовут Иван Васильевич, – протянул он Борисову сухую, мозолистую ладонь. – А тебя как звать-величать, молодой человек?

Борисов представился.

Иван Васильевич засуетился:

– Вы же с дороги, хлопцы, есть, наверное, хотите! Кольша, зови гостя к столу. Сейчас что-нибудь найдём у бабушки...

– А сама она где? – хрустя пупырчатым огурцом, выхваченным из ведра на веранде, спросил Царедворцев.

– Где-где – в Караганде! – ухмыльнулся Иван Васильевич. – С утра уехала в Шеломенцево за лесной вишней...

– У нас же своя растёт...

– Запас в хозяйстве никогда не помешает... Ты ведь любишь вишнёвое... – Иван Васильевич выставил на стол варёную картошку, тарелку с колбасой и белым хлебом и эмалированную миску с большими красными мясистыми помидорами. Взвесив один на ладони, он заметил с гордостью:

– Сам вырастил! Этими вот руками, да не в теплице, а на корню... Больше ни у кого здесь таких нет! Из Ташкента как-то привозили помидоры, так и те мельче моих... Ешьте, ребятки, не стесняйтесь! Это так, перекус... Бабушка вернётся, курочку запечём!

Пока они уминали за обе щёки простое, но аппетитное угощение, Иван Васильевич спросил:

– Кольша, помнишь, где смотровая площадка?

Царедворцев, не переставая жевать, кивнул.

– Вот и своди друга, покажи ему нашу гордость! Самый глубокий открытый угольный разрез на континенте... Второй в мире! Это вам не хухры-мухры... Само собой разумеется, соблюдайте технику безопасности... А завтра, утречком, соберём помидоры и на базар поедем...

– Зачем на базар поедем? – спросил Борисов у Царедворцева, когда они шли к разрезу.

– Помидоры продавать! Для этого и приехали.

– А я продавать не умею...

– Ничего трудного в этом нет... Взвешиваешь помидоры, умножаешь стоимость на вес, называешь цену... И главное – пошире улыбайся. Так лучше покупают... Я знаю – уже продавал в прошлом году...

– Как это продавал? Сам? Ты же председатель совета дружины! Разве можно?

– Так я же на каникулах! И ты на каникулах!

– Мне как-то стыдно продавать... – потупился Борисов.

– Ничего тут стыдного нет. У нас в стране всякий труд почётен! Продавцы же в магазинах работают... И никому не стыдно.

– Так это в магазинах, а мы на базаре... Вдруг кто-то знакомый увидит?

Царедворцев посмотрел на него ясным взглядом:

– Да не бойся, Витька, кто тебя здесь знает! Ну, не захочешь продавать, рядом постоишь, ящики посторожишь... Вот мы и пришли! Смотри, какая ямища!

Дно огромного котлована скрывалось в дымке испарений. Электровозы, которые на большом расстоянии выглядели, как игрушечные, тянули «на-гора» составы с бурым углём. На другой стороне разреза высилось несколько терриконов и виднелись маленькие домики.

– Это посёлок Роза, – указал на них Царедворцев. – Там когда-то были шахты, добывали уголь под землёй, пока разрез не появился... Одна и сейчас вроде бы ещё работает... Мы как-нибудь с тобой на терриконы залезем... Кто первый заберётся, тот и царь горы!

Вечером они помогали Колиной бабушке перебирать дикую вишню и ели запечённую курицу, а наутро, загрузив в прицеп дедовского мотоцикла ящики с помидорами, поехали на Коркинский рынок.

На рынке Иван Васильевич сходил в контору и получил весы с комплектом гирь разного размера. Разложил свой товар на прилавок и уступил место внуку, а сам присел в сторонке и раскурил папиросу.

Вскоре появились первые покупатели, и Коля Царедворцев неожиданно заголосил, как заправский торгош:

– П-а-а-мидо-о-ры! Сладкие п-а-а-мидо-о-ры! Подходи! Покупай!

Борисов диву давался новому таланту друга, умело торговавшегося с покупателями за каждый гривенник... Коля как будто родился продавцом, а гирьками жонглировал, точно

настоящий фокусник. К нему сразу выстроилась очередь. Сам Борисов сидел в люльке мотоцикла и сторожил оставшиеся ящики с помидорами. Время от времени Иван Васильевич приходил за очередным ящиком и уносил его к прилавку.

А Борисов, наблюдая за торговлей со стороны, то и дело краснел и бледнел, ожидая, что сейчас появятся милиционеры и арестуют их как спекулянтов... Ведь у соседей по торговому ряду помидоры стоили сорок-пятьдесят копеек, а Коля продавал по семьдесят! Когда к прилавку подошёл милиционер с погонями сержанта, Борисов вжался всем телом в люльку и натянул до подбородка дерматиновый полог. Но сержант, как со старым знакомым, поздоровался с Иваном Васильевичем, похвалил и его помидоры, и расторопного внука Колю, купил себе два килограмма и удалился.

К обеду все помидоры разобрали.

Довольный, Иван Васильевич предложил:

– Ну, ребятки, пошли в пельменную! Она тут, недалече...

У выхода с рынка на деревянной каталке, с шарикоподшипниками вместо колёс, сгорбившись, сидел безногий инвалид в белесой фуфайке с тусклой медалью «За отвагу». Правой руки у него не было, а левой, на которой осталось только три пальца, он стискивал солдатскую ушанку, в которую прохожие бросали деньги.

Иван Васильевич поздоровался с инвалидом:

– Здравствуй, Фёдор! – И положил ему в шапку рубль.

– А кто это, дед? – спросил Коля.

– Фёдор Стацюк, погодок мой. Только его в действующую армию призвали, а меня, по брони, здесь, на разрезе, оставили... – пояснил Иван Васильевич. – Под Сталинградом Фёдор попал под миномётный обстрел. Посекло всего... Вот она – война! Не приведи вам, ребятки, её на своей шкуре испытать!

– Иван Васильевич, но он же – герой, почему же милостыню просит? – дрогнувшим голосом спросил Борисов. – У нас, в Челябинске, я таких ни разу не видал...

Иван Васильевич вздохнул:

– Эхма, что там – Челябинка? Сразу после войны по всей стране такие, как Фёдор, тысячами раскатывали. В народе как только их ни называли: и «обрубками», и «самоварами»... А Хрущёв приказал всех с улиц убрать, чтобы настроение согражданам не портили, не мешали в светлое будущее с радостной улыбкой смотреть... А ведь именно такие, как Фёдор, будущее для всех отстояли! Ну а наш город невелик. Здесь всё по старинке, и народ сердобольный: ему с голоду помереть не дают...

В пельменной пришлось выстоять очередь, но зато досыта наелись пельменей, выпили по два стакана компота и получили по три рубля от Ивана Васильевича.

Царедворцев сунул деньги в карман без разговоров, восприняв дедову щедрость как должное, а Борисов стал отнекиваться, но Иван Васильевич настоял:

– Бери, Виктор! Ты их честно заработал!

Они вернулись к рынку, где оставили мотоцикл. Борисов загадал, если сталинградец-инвалид будет на своём месте, он положит полученную «трёшку» ему в шапку, но Стацюка у входа не оказалось.

Всю обратную дорогу в Челябинск «трёшка» прожигала Борисову карман, как будто он её украл.

Когда добрались до родного района, Царедворцев сказал на прощание:

– Спасибо тебе, Витька, за помощь! Гордись: ты не только сделал доброе дело, но и деньги заработал!

Дома Борисов засунул три рубля в копилку в виде поросёнка с прорезью на макушке.

Копилку подарила Борисову на день рождения отца сестра – тётка Наталья, приезжавшая зимой из Запорожья.

Отец не одобрил такой подарок:

– Зачем ты ему, Таша, вкус к накопительству прививаешь?

– Ничего, пусть племяш учится деньги беречь! Сам себе накопит на что-нибудь полезное... Вот и зачин! – Тётка Наталья опустила в копилку первые двадцать копеек.

Борисов стал копить деньги на велосипед. На дне уже бренчало десятка полтора пятаков и несколько двадцатикопеечных монет. Всё, что сумел он сэкономить на школьных обедах...

Ночью приснился Борисову сон, будто идёт он по главной площади Челябинска к памятнику Ленина, чтобы отдать ему пионерский салют. А вождь мирового пролетариата, самый человечный из людей, вдруг отворачивается от него...

Проснулся Борисов с ужасной мыслью: «Точно узнают в школе, что я помидоры продавал: из пионеров исключат... и в комсомол не примут».

3

Коля Царедворцев был своеобразным солнцем, вокруг которого вращались по орбитам большие и малые планеты, и Борисов в их числе... Но он был рад, что является ближайшим к «светилу» «спутником», что у него такой замечательный и верный друг. Так продолжалось до конца седьмого класса, когда их приняли в комсомол и у них появились новые увлечения и интересы.

Царедворцев как-то сочинил два рассказа о школьной жизни и отправил в «Вечерний Челябинск». Их вскоре напечатали, и Коля стал писать новые рассказы: ему понравилось видеть своё имя, набранное петитом. А Борисову как раз поручили выпускать школьную сатирическую газету. Для неё понадобились стихи о прогульщиках и двоечниках, и, к своему собственному удивлению, он легко сочинил их.

Газету вывесили в фойе школы. Борисов с неосознанным ещё чувством авторства наблюдал со стороны, как ученики из разных классов столпились возле неё, читали, смеялись, узнавая героев сатиры. День спустя, на перемене, он услышал, как кто-то цитирует его рифмованные строчки.

Царедворцев тут же решил:

– Будем ходить в «Мартен»! Я узнавал: там настоящий писатель занятия ведёт. Немного позанимаемся и станем тоже настоящими: я – прозаиком, а ты – поэтом-сатириком! – И они записались в литературную студию «Мартен» при Дворце культуры металлургов.

Почти одновременно с «Мартеном» Царедворцев и Борисов стали ходить и в секцию лёгкой атлетики при детско-юношеской спортивной школе в спорткомплексе «Металлург». Дело в том, что Борисов на итоговом занятии по физкультуре пробежал километровую дистанцию только на тройку. И эта оценка перечеркнула все его усилия окончить год ударником.

– Как ты собираешься Родину защищать, если бегать не умеешь? – возмущался Царедворцев. – Нам через год в военкомате на учёт становиться, а ты километр одолел с трудом... А как же ты в армии с марш-броском на три километра справишься? А на десять километров как побежишь?

– Чтобы стрелять по врагу, бегать вовсе необязательно... – попытался отговориться Борисов. – Пусть враги от нас бегают!

Но Царедворцев стоял на своём:

– Настоящий защитник всё должен уметь: и стрелять, и бегать, и прыгать, и подтягиваться! – И они стали два раза в неделю ходить на тренировки в спорткомплекс.

Как-то так получилось, что и секцию, и литературную студию одновременно с ними стала посещать девочка из девятого класса соседней школы. Звали её Соня Голубкова.

Девочка – не лучше других: круглое лицо с веснушками, застенчивая улыбка, две косички врзлёт. Невысокого роста, крепкие ножки «козликком». В спортивной секции она

занималась бегом с барьерами, а в литературную студию приносила свои первые сочинения, которые, как и вирши самого Борисова, стихами, в полном смысле этого слова, ещё назвать было нельзя. Так – неумело зарифмованные мысли, за которые всклокоченный и вечно навеселе руководитель студии Чуркин её мягко, но постоянно критиковал. И в спортивной секции Соня тоже была далеко не самой лучшей, выше третьего места на соревнованиях никогда не занимала...

И всё же именно с появлением Сони Голубковой на его горизонте с Борисовым стали происходить ранее небывалые вещи. Он, а это случилось уже в начале восьмого класса, вдруг ни с того ни с сего начал внимательно приглядываться к своему отражению в зеркале. Подолгу разглядывал себя, как будто раньше никогда не видел: от пушка, пробивающегося над верхней губой, до какого-нибудь прыщика, вдруг и совсем некстати вскочившего на лбу... Собственное отражение Борисову совсем не нравилось!

А вот Соня ему нравилась всё больше и больше: и веснушки на носу, и улыбка, и ножки «козлик». Она же во все глаза глядела на Царедворцева – высокого, стройного и красивого. Прежде Борисов как-то и не замечал, что его друг Коля выше на целых полголовы, что у него брови вразлёт, как у героя-молодогвардейца Олега Кошевого, и улыбка, как у первого космонавта Юрия Гагарина, на которого Борисову так хотелось быть похожим.

Всё это было у Царедворцева: и рост, и брови, и улыбка. И ничего этого не было у него – Борисова... Конечно, он и прежде видел, что девочки из совета дружины, да и не из совета тоже, на Колю Царедворцева смотрят как-то по-особенному, проще говоря – заглядываются, но это обстоятельство его прежде совсем не беспокоило.

Да и теперь, возможно, Борисов пережил бы, что Соня не замечает его, если бы не стал свидетелем спора, который возник в раздевалке ДЮСШа между Колей Царедворцевым и Игорем Лапиным. Лапин был на два года старше их и занимался десятиборьем. Широкоплечий и плотный, с непомерно длинными руками и бычьей шеей, он смахивал на Квазимодо – страшлище, о котором Борисов недавно прочитал у Гюго, и обладал такой же недожинной силой. Он всегда занимал первые места на областных соревнованиях по своему виду спорта, чем ужасно гордился и, быть может, поэтому считал себя неотразимым.

– Да я со всеми девчонками из нашей секции целовался, – хвастался он, складывая в спортивную сумку пропревшую майку. – Со всеми, кроме этой дуры Голубковой...

Ехидно поглядев на Царедворцева, Лапин вдруг заявил:

– Я вижу, что она только на тебя и косит! Через барьер скачет, а сама сечёт, смотришь ты на неё или нет!

Царедворцев усмехнулся:

– Ну и что? Пусть смотрит, если хочет...

– Спорим, я эту Соньку первым поцелую! Хоть она по тебе и сохнет... – хохотнул Лапин. – Спорим? Ну что, слабо?

Царедворцев не привык уступать:

– Ну, спорим!

– На твои часы! – выпалил Лапин.

Часы у Царедворцева были новенькие – «Командирские», такие в обычном магазине не купишь, только в «Военторге», и то по великому благу. На эти часы Лапин давно глаз положил, вот и нашёл повод...

– Хорошо, – согласился Царедворцев. – А ты что поставишь?

– А что ты хочешь? – Лапин демонстрировал полную уверенность в своей победе.

– Твои кроссовки «Адидас».

«Зачем Кольке вторые кроссовки? У него свои такие же есть...» – успел удивиться Борисов. Фирменные кроссовки были дефицитом, куда большим, чем часы «Командирские». Стоили они целых двадцать шесть рублей! Но в магазинах их не было. Доставали кроссовки через

знакомых продавцов или покупали с рук – в три раза дороже. Борисов тренировался в китайских кедах «Два мяча» и о таких кроссовках даже не мечтал...

– Замётано! – согласился Лапин. – Кто разобьёт? Давай, Борисов, разбей!

Обескураженный Борисов замешкался, и сцепленные руки спорщиков разбил кто-то другой.

По дороге из ДЮСШа он попенял Царедворцеву:

– Зачем ты так, Коля? Сонька – девчонка хорошая...

Царедворцев вытаращился:

– Ты, Витька, влюбился, что ли, в Голубкову? Во даёшь!

– Ещё чего... Ничего я не влюбился, – тут же открестился от своих потаённых чувств

Борисов. – Просто нехорошо как-то... спорить... о таком.

У Царедворцева, как всегда, нашёлся веский и неоспоримый аргумент:

– Ты хочешь, чтобы Голубкова этому моральному уроду Лапину досталась?

И Борисов не нашёл что возразить.

Он продолжал переживать, не зная, что делать в такой ситуации. Как поступить? Вечером неожиданно написал стихотворение.

Бабочка над пламенем костра
Яркой, изумительной окраски.
Как она в движениях быстра,
Как блестят неоновые глазки!
Над костром описывая круг,
Так она к огню, к теплу стремится...
Страх берёт, что если в искру вдруг
Красота такая превратится...
Свет изменчив, может, потому
Я взмахнул на бабочку руками:
Улетай в спасительную тьму,
Чтоб тебя не опалило пламя!

На следующем заседании «Мартена» листок со стихотворением он подбросил в портфель Голубковой, согревая себя надеждой: «Может быть, она догадается, что ей грозит опасность?»

Но Соня после окончания занятий ушла с Царедворцевым, вызвавшимся её проводить.

В Борисове в этот момент как будто щёлкнул переключатель.

До сего дня он безоговорочно воспринимал все слова Царедворцева как истину в последней инстанции, оправдывал все его поступки и вечный командирский тон. И вдруг как будто очнулся, посмотрел прояснившимся взглядом на друга, с которого, как с новогодней ёлки, слетела вся позолота и мишура. И предстал пред ним Царедворцев совсем не таким идеальным, каким казался, и вовсе не вожаком, следовать приказам которого необходимо и на которого положено равняться.

Он решил, что не станет допытываться: получилось ли у Царедворцева поцеловать Голубкову (она в одночасье вдруг перестала его вовсе интересоваться), а следуя пословице индейцев-апачей: «Человек должен сам делать свои стрелы», захотел выйти из тени и доказать себе, что и он что-то значит.

Борисов снял с полки свою копилку, взял из ящика с отцовскими инструментами молоток и одним ударом расколол «свинку». Пересчитал деньги. Вышло двадцать два рубля с копейками. Убрал осколки и дождался отца со службы:

– Па-а, а у вас лётчики летают в Москву?

Павел Андреевич кивнул:

– Летают. Завтра на Чкаловский борт пойдёт... А что ты хотел, сын?

– Кроссовки нужны позарез. Адидасовские. Может быть, ты попросишь, чтоб там купили? У нас таких нет... Я вот и копилку расколочил... Правда, немного не хватает... Добавишь?

– А как же велосипед? Ты же мечтал...

– Да, без велика обойдусь... А кроссовки очень нужны! Мне к службе готовиться надо!

Отец одобрительно похлопал его по плечу и пообещал поговорить с «летунами». Какое же было счастье, когда через несколько дней он принёс домой новые кроссовки «Адидас»: синие с тремя белыми полосками.

Борисов прежде занимался спортом – за компанию, через «не хочу». Теперь им двигало острое желание стать первым. Он составил для себя график тренировок – разминка, отжимания, подтягивания, упражнения с гантелями и эспандером и ежедневный всепогодный кросс. Маршрут пролегал через парк, разбитый в берёзовой роще. Если взять старт со стороны улицы 50-летия Октября и бежать мимо фонтана, мимо летнего кинотеатра и танцевальной площадки к противоположному выходу из парка, как раз около трёх километров и получалось.

Поначалу длительные пробежки и дополнительные занятия давались Борисову нелегко: ноги заплетались и дыхалку перехватывало, но постепенно он втянулся, приохотился и через три месяца на соревнованиях на первенство ДЮСШа обогнал Царедворцева в финальном забеге на сто метров и на целых пять сантиметров перепрыгнул его в длину...

Любимчик фортуны, встав на вторую ступень пьедестала, вяло пожал Борисову руку. А Борисов со своего первого места впервые посмотрел на Колю Царедворцева сверху вниз.

С этого дня он почувствовал себя вполне независимым и продолжал дружить с Колей как равный с равным.

4

В начале девятого класса, когда к Борисову и прилепилось прозвище «Бор», их вызвали на допризывную комиссию в районный военкомат.

Накануне Царедворцев объявил:

– Решено, Бор! После десятого класса едем поступать в Львовское высшее военно-политическое училище. Отец летом в санатории ЦЭКа с начальником этого училища познакомился, рассказал, что сын с другом мечтают стать офицерами... Нам с тобой на вступительных экзаменах «зелёная улица»!

– Зачем же ехать в такую даль? – замялся Борисов. – И поближе военные училища есть...

– Чудак-человек, ты для чего в «Мартен» ходишь? Поэтом хочешь стать! А главное, ты хочешь стать офицером! Так вот, военная журналистика – прямой путь в офицеры с писательским уклоном! Да пойми ты: это училище – самое что ни на есть престижное! В будущем не политики, а журналисты и средства массовой информации будут определять всю мировую стратегию... Мне это отец говорил, а он слов на ветер не бросает. С историей и литературой справимся на раз... Главное – нам с тобой по математике высокий балл получить! По четвёрке мы запросто заработаем, а за пятёрку попотеть придётся... И кто, вообще, придумал военным журналистам математику сдавать, для чего она? Разве что гонорары подсчитывать...

И Царедворцев так же увлечённо принялся рассуждать, какие у журналистов и писателей большие гонорары:

– Чуркин говорил: статью в центральной газете опубликуешь, и на цветной телевизор хватит! Одну книжку стихов выпустишь и сразу – «Москвич» сможешь купить... А если толстый роман напишешь, так и на «Волгу» заработаешь...

Борисов слушал друга, не перебивая. Он вообще-то газетчиком становиться не соби-
рался, пусть даже и военным. Да и математики и физики не боялся совсем. На эти предметы
Борисов налегал с особым прилежанием, так как мечтал поступить в лётное военное училище.

О своей мечте он никому не рассказывал, кроме отца. Отец его желание стать лётчиком
одобрил и даже попросил знакомого прапорщика – коменданта учебного корпуса, проверить
у сына вестибулярный аппарат на качелях и крутильном кресле, пройти через барокамеру.

– Если «вестибулярка» у тебя, Виктор, подкачает или давление после барокамеры будет
прыгать, медкомиссию в лётное не пройдёшь... – предупредил отцовский приятель.

Но Борисов все тренажёры и камеры перенёс легко. Кардиограмма и давление после всех
испытаний были у него, как у космонавта.

Потому-то он и слушал разглагольствования Царедворцева по поводу поступления во
Львовское училище спокойно, в уме прокручивая, в какое именно лётное пойдёт. В штурман-
ское идти не хотелось. Штурман, конечно, профессия замечательная, но не он – командир
корабля: «Если уж идти в лётное, так на истребителя, в Оренбургское, то самое, где Гагарин
учился»...

Но жизнь внесла коррективы в его мечты.

Плановую медкомиссию в военкомате Борисов прошёл на «ура». Всю, кроме окулиста.
Вдруг оказалось, что зрение в левом глазу у него – не единица, а ноль девять. С таким резуль-
татом ни в какое лётное он не годился!

Старенький окулист, заполнив свой раздел в медкарте, увидел огорчённое лицо Бори-
сова:

– Вы, молодой человек, не отчаивайтесь. Сходите на приём к нашему райвоенкому –
полковнику Плиткину. Борис Фёдорович – человек добрейшей души. Обязательно что-то под-
скажет!

«Добрейшей души человек полковник Плиткин» выслушал Борисова и сказал:

– Вот что, товарищ Борисов, в лётное тебе путь закрыт. Это точно! И никто тебе в этой
ситуации помочь не сможет. Но тебе повезло: вышел приказ Министра обороны СССР, снижа-
ющий медицинские показатели по зрению для поступающих в военно-политические училища.
Так вот, с твоими диоптриями можно спокойно поступать в Львовское военно-политическое,
Симферопольское военно-строительное или в Свердловское танко-артиллерийское...

– Но я хочу служить в авиации, товарищ полковник! – воскликнул Борисов.

– Отлично! Тогда тебе прямой путь в Курганское ВВПАУ. По выпуску станешь полит-
работником частей Военно-воздушных сил. А там, кто его знает, вдруг зрение восстановится,
напишешь рапорт и переведёшься, хотя бы в наше штурманское...

«Нет уж, – подумал Борисов о своей мечте, – умерла, так умерла... Буду политработни-
ком ВВС! Всё-таки – не балалаечником, как Царедворцев...» Отец с улыбкой говорил, что
«балалаечниками» в войсках называют выпускников Львовского ВВПУ, независимо от того,
какой факультет они закончили: культпросветработы или военной журналистики.

– Буду поступать в Курган, товарищ полковник, – твёрдо сказал Борисов. – Готов прямо
сейчас написать заявление о включении меня кандидатом.

– Ну, сейчас это делать рано. А в следующем марте приходи! Будем готовить документы.
Да, не забудь рекомендацию от райкома комсомола. Без неё – никак! Училище-то политиче-
ское...

Известие о том, что Борисов будет поступать в Курганское училище, а не во Львовское,
Царедворцев воспринял как личное оскорбление и предательство.

– Ну, как знаешь, Бор... – скривился он. – Тоже мне лётчик! Одно название... Аэродром
подметать будешь!

– Всё лучше, чем замечочки строчить в сопровождении балалайки! – неожиданно для
себя и для Царедворцева огрызнулся Борисов.

Они несколько дней не разговаривали. Но потом помирились. Царедворцев даже помог Борису через своего отца получить рекомендацию для поступления от обкома комсомола.

Последний год учёбы пролетел незаметно.

По окончании школы Царедворцев получил золотую медаль. И Борисов окончил школу с вполне приличным аттестатом, с двумя четвёрками: по русскому языку и астрономии, со средним баллом – четыре с половиной!

После выпускного они разъехались, как в песне: на запад и на восток...

Курган встретил Борисова летним дождём. Зелёные и тихие улочки областного центра показались ему очень уютными.

«В хорошем городе буду я учиться...» – подумал он, садясь в автобус, идущий до училища. Автобус, проехав по мосту через реку Тобол, неожиданно вырвался из города и долго катил по степи, пока Курган не скрылся из виду. Поднявшись в гору, он ещё пару километров двигался по дороге через лес, пока наконец не остановился в каком-то поселении с деревянными домиками и палисадами.

Водитель объявил:

– Конечная остановка – Увал! Выходим, граждане пассажиры, не забываем свои вещи...

Борисов вышел из автобуса и оказался перед КПП: «Ну и захолустье... Вот, значит, где я буду учиться, если, конечно, поступлю...»

В училище абитуриентов сразу предупредили, что конкурс такой же высокий, как в МГУ: двенадцать человек на место.

Борисов выдержал три первых экзамена достойно. По физической подготовке, сочинению и истории получил пятёрки. Последним экзаменом выпала математика, за которую он даже не волновался – верил в свои силы. И правда, первым из экзаменуемых он решил все задачи и собирался поднять руку, чтобы сдать свои ответы, когда услышал за спиной шёпот:

– Витя, друг, выручай... Подскажи, как решить последнее уравнение... Горю! – умолял Ваня Редчич.

С Редчичем, добродушным увальнем из украинского села, он познакомился сразу по приезде в училище. Они попали в одну палатку в лагере для абитуриентов, вместе сдавали экзамены... И хотя подполковник по фамилии Ковалёв, нажимая на букву «р», предупредил, что любое списывание или подсказка будут немедленно караться «двойкой», не помочь Ване Борисов не мог.

Он протянул руку за спину, взял у Редчича экзаменационный лист и быстро положил его перед собой, не отрывая взгляда от подполковника Ковалёва, нервно, как на шарнирчиках, прохаживающегося взад-вперёд перед доской, то и дело пытливо озирающего абитуриентов.

Уравнение, на котором споткнулся Редчич, Борисов решил легко. Он уже хотел передать листок обратно, как подполковник Ковалёв стремительно приблизился к нему, схватил оба экзаменационных листа и, потрясая ими, торжествующе возопил:

– Товар-рищ абитур-риент, вы попались! Почему у вас два листа? Чей это вар-риант?

Борисов вскочил.

Ковалёв, глядя на него снизу вверх, повторил вопрос:

– Извольте отвечать! Чей это лист?

Покрасневший Борисов молчал.

– Мой, товарищ подполковник, – обречённо поднялся Редчич, наивно пытаясь оправдаться, – я только попросил товарища абитуриента проверить правильность решения задачи...

– Оба – вон из класса! – завершал подполковник Ковалёв. – Я с вами позже р-разбер-ресь!

Они понуро вышли в коридор.

– Что случилось, парни? – спросил третьекурсник Захаров, назначенный в «абитуру» командиром отделения.

Борисов, запинаясь от волнения, объяснил ситуацию.

– Плохо... – покачал головой Захаров. – «Мартенсит» не простит!

– Мартенсит?

– Ковалёв. Он материаловедение преподаёт... Дядька предельно вредный и до безумия влюблённый в свой предмет... Как заведёт: «мартенсит, тростит, сорбит...» Это такие присадки к металлу... На кой ляд нам его материаловедение нужно, никто ответить не может... У него и зачёт-то просто так не получишь, а вы решили на экзамене схимичить... Словом, хана вам, парни: пакуйте чемоданы!

После экзамена подполковник Ковалёв пригласил Борисова в аудиторию первым.

– Товар-рищ Бор-рисов, – ровным и даже доброжелательным тоном начал он. – Объясните мне, недогадливому: зачем вы своему конкур-ренту помогаете? У вас же пр-риличный аттестат, все экзамены вы сдали замечательно и по математике р-решили всё на отлично... И вдр-руг такой пр-росчёт... Не понимаю вашей логики...

– Товарищ подполковник, простите, – промямлил Борисов. Губы у него дрожали, и слёзы готовы были брызнуть из глаз, но он всеми силами держал себя в руках. – Абитуриент Редчич – никакой не конкурент, а товарищ и друг... Нет уз святее товарищества!

Ковалёв сморщился, как будто от кислого яблока, поглядел на Борисова, как на круглого идиота:

– Ну-ну, Гоголя, значит, читаете, товар-рищ абитур-риент... – умилился он. – Что же мне с вами делать? Пр-росто не знаю! Не губить же вам жизнь из-за вашей начитанности? Но и оставить без наказания не могу. Не имею пр-рава! Снижаю вам оценку на один балл! Идите и запомните: др-ружба др-ружкой, а служба службой! И пусть ко мне этот ваш товар-рищ Р-редчич зайдёт...

– Спасибо, товарищ подполковник, – ошалел Борисов от нечаянной милости, лихо повернулся кругом и, печатая шаг, вышел из аудитории. Умершая, казалось, мечта снова расправила крылья, выдавив из глаз сдерживаемые до этого слёзы.

Редчичу Ковалёв поставил «тройку» – Иван не смог объяснить, как решается уравнение, которое сделал за него Борисов. Но Редчича как сына погибшего при исполнении служебных обязанностей военнослужащего и тройка устраивала. Он шёл вне конкурса.

Словом, проходного балла им обоим хватило, и они были зачислены на первый курс.

На радостях Борисов написал письмо домой, и через пару недель, когда он вместе с другими счастливыми на «курсе молодого бойца» усердно вдавливал в бетонные плиты плаца каблуки новых, не растоптанных ещё яловых сапог, получил от матери ответ.

Татьяна Петровна поздравляла его с поступлением, писала, что отец тоже очень рад и гордится им. Она переслала Борисову письмо от Царедворцева, который поступил в Львовское училище. Борисов ответил ему дружеским письмом.

Так и началась новая страница в их отношениях. И хотя Царедворцев был теперь далеко, но соперничество с ним у Борисова никуда не делось, и все годы учёбы оставалось одним из стимулов для самосовершенствования.

Написал, к примеру, Царедворцев, что хочет сдать первую сессию только на отлично, и Борисов поднажал на учёбу, и тоже сдал сессию на одни «пятёрки». Пробежал Царедворцев кросс на три километра за девять с половиной минут, и Борисов, в свою очередь, выполнил на этой дистанции норматив второго разряда...

В родной Челябинск после второго курса Царедворцев приехал с молодой женой Таисией. К удивлению Борисова, избранница Николая оказалась совершенно невзрачной. Даже Сонечка Голубкова по сравнению с ней выглядела как Мэрилин Монро. А у Колиной Таечки, как говорится, ни лица, ни фигуры – только глаза большие, навывкат, умный взгляд, модная стрижка с начёсом и дорогой джинсовый сарафан.

Но Царедворцев лучился от счастья:

– Таечка учится в Львовском универе, она – будущий экономист с международным уклоном, – радостно представил он супругу. А когда они остались с Борисовым наедине, добавил: – Папа её, мой тесть – начальник нашего училища. Да-да, тот самый генерал... Оказывается, они с отцом ещё два года назад по рукам ударили, чтоб нас с Таечкой поженить... Смекаешь, Бор, какие теперь передо мной перспективы открываются? У тестя весь ГлавПУр в друзьях ходит! Того и гляди его самого в Москву заберут... Так что завидуй!

Борисов не позавидовал Царедворцеву: такой Таечки ему и на дух не надо было, даже если бы её отец служил министром обороны СССР! Но мысль о необходимости самому поскорее завести семью в голове у него засела прочно.

После школьной истории с Соней Голубковой он вообще старался на девушек не глядеть, чтобы не сбивали с главного курса – стать настоящим офицером-политработником, высококлассным профессионалом своего дела. Но природу не обманешь, она своё возьмёт, и жениться всё равно когда-нибудь пришлось бы... А тут и случай подходящий представился.

На третьем курсе, в начале октября, они с Редчичем попали в патруль по городу, а старшим патруля оказался «Мартенсит», тот самый подполковник Ковалёв, который их «облаготельствовал» при поступлении.

Ковалёв запомнил Борисова и при встречах с ним вместо официального прикладывания руки к козырьку приветливо кивал. К тому же ещё на первом курсе Борисов умудрился сдать ему зачёт по материаловедению на отлично. Такое удавалось в училище единицам!

В патруле Ковалёв вёл с ними душевные беседы, а расставаясь, поинтересовался:

– Товар-рищи кур-рсанты, вы что в следующую субботу делаете?

– В увольнение идём, товарищ подполковник, – в голос ответили Борисов и Редчич.

– А не могли бы вы мне помочь? Надо шифоньер-р в квар-ртир-ре пер-редвинуть!

– Конечно, поможем, товарищ подполковник, – за двоих заверил Борисов, – подскажите ваш адрес.

Ковалёв назвал улицу, дом и квартиру:

– Пр-риходите к двум. Сможете?

– Так точно!

В назначенное время они были по указанному адресу.

Дверь открыла дама лет сорока пяти, в бардовом бархатном платье до пола, похожая на оперную певицу Монсеррат Кабалье, с такой же грудью необъятных размеров.

«Наверное, жена Ковалёва... – испуганно подумал Борисов. – Как только он с такой громадиной справляется? Она же больше его в три раза...»

– Ой, мальчишки пришли! Проходите, проходите, мы вас ждём! – восторженно воскликнула дама, отступая назад и пропуская их в квартиру. – Вольдемар, ну где же ты? – позвала она мужа.

В прихожей стремительно появился подполковник Ковалёв, одетый по-домашнему: в спортивном костюме и кухонном фартуке поверх него.

Он поздоровался и представил даму:

– Моя супр-руга, Юлия Львовна. А это – кур-рсанты Бор-рисов и Р-редчич. Р-раздевайтесь, смелее, товар-рищи кур-рсанты!

– А имена у товарищей курсантов есть? – растянула пунцовые губы в улыбке Юлия Львовна.

Борисов и Редчич назвали себя, сняли ушанки, шинели, повесили одежду на вешалку из рогов косули.

– Мы на минутку, товарищ подполковник! Только помочь! – решительно заявил Борисов. Вообще-то, они с Редчичем планировали ещё сходить в пельменную, а потом на дискотеку в Дом культуры. – А где шифоньер?

– Ах, этот шифоньер! – театрално засмеялась Юлия Львовна. – Так мы его уже сами передвинули! Не стесняйтесь, проходите в гостиную, сейчас обедать будем. Стол уже накрыт...

За столом, застеленным бархатной скатертью – в тон платью Юлии Львовны и сервированным нарядной посудой и серебряными приборами, сидели две девицы.

Но на них Борисов сначала внимания не обратил – его взор притянули деликатесы: салаты, копчёная колбаса, шпроты.

«Ого! Нечаянная радость... Нажрёмся от пуза!» – рацион курсантской столовой уже вызывал только приступы гастрита.

– Это наша дочь Марина, – вернула его в реальность Юлия Львовна, представляя ту из девиц, которую и представлять не было необходимости: своей фигурой, насколько успел заметить Борисов, она являла точную копию мамыши, а лицом с мелкими чертами – вылитый Ковалёв. – А это – её подруга Серафима, – не меняя восторженной интонации, назвала хозяйка блондинку с голубыми печальными глазами и бледным лицом. Следом отрекомендовала и курсантов: – А наших героев зовут Виктор и Иван! Присаживайтесь, молодые люди!

Борисов и Редчич переглянулись: так это смотрины, и уселись на указанные места. Рядом с Борисовым оказалась Марина, а с Редчичем – её подруга Серафима.

– Ну, поговорите пока, молодёжь! А я принесу суп... – объявила Юлия Львовна.

Но поговорить им не удалось. Неугомонная хозяйка просто не оставляла для этого пауз. Она успела и мгновенно принести из кухни супницу и отдать необходимые распоряжения мужу:

– Вольдемар, ну что же ты? Переоденься! – тем же голосом ласкового начальника провозгласила Юлия Львовна. – Ну, не садиться же за праздничный стол в таком затрапезном виде. Сегодня же День учителя! Ты же преподаватель, да и девочки – будущие педагоги... И скажи мне, Вольдемар, а мальчикам можно шампанского?

Ковалёв послушно пошёл переодеваться. На пороге комнаты он обернулся и на вопрос о шампанском отрицательно покачал головой, чем весьма расстроил Борисова и Редчича, полагавших, что от бокала шампанского никому хуже не станет.

Юлия Львовна тут же подхватила:

– Ах да, конечно, дисциплина! О, дисциплина для будущих офицеров – превыше всего! – Она выразительно закатила глаза. – Тогда мы с девочками выпьем шампанского, а мальчики будут пить клюквенный морс... Сейчас принесу.

Она принесла из кухни пузатый керамический кувшин с узким горлышком и водрузила его на стол перед Борисовым.

– Кто откроет шампанское? Есть ли среди нас гусары?

Вызвался открыть бутылку Редчич.

Борисов потянулся к кувшину, чтобы налить морс, и тут из горлышка показались усы, а следом появился большой рыжий таракан.

Борисов отдернул руку: тараканов он не любил. У них, в челябинской «хрущовке», если вдруг и появлялась какая-нибудь одиночная особь от соседей, мать тут же устраивала аврал, заставляла Борисова с отцом проливать кипятком все щели в кухонном столе, заделывать дыры в плинтусах, делать ловушки с борной кислотой...

«Ковалёвский» таракан тем временем забрался на крышку кувшина, по-хозяйски огляделся и, спрыгнув на стол, отправился в путешествие между хрустальными вазочками с салатами.

Бдительная Юлия Львовна проследила за взглядом Борисова и радостно захлопала в ладоши:

– Ой, тараканчик! Это к деньгам!

Тут хлопнула пробка – Редчич открыл бутылку и стал разливать шампанское в высокие фужеры.

За обедом кусок не лез Борису в горло, хотя он и был голоден, и аппетит разыгрался от вида домашних деликатесов, но этот таракан всё испортил.

Общего разговора за столом так и не получилось.

Говорила одна Юлия Львовна. Ковалёв молчал и только, со всем соглашаясь, кивал головой, когда супруга обращалась к нему. Редчич и Марина усиленно налегали на еду, а Борисов и Серафима ковырялись вилками в своих тарелках.

Наконец попытка обедом завершилась.

Юлия Львовна, посчитав свою миссию выполненной, разрешила:

– Ну, дорогие детки, пойдите погуляйте! На улице такая романтическая погода...

На улице шёл дождь со снегом.

У подъезда они как-то сразу разбились по парам, причём совсем не так, как планировала Юлия Львовна: Редчич подхватил под руку толстушку Марину, а Борису ничего другого не оставалось, как идти рядом с Серафимой.

– И шестикрылый Серафим на перепутье мне явился, – пробормотал он, вспомнив чешуйчатокрылого обитателя квартиры «Мартенсита».

Серафима словно прочитала его мысли:

– Я тоже не люблю тараканов, – сказала она. – А Пушкина люблю!

И продолжила цитату:

– Перстами легкими как сон

Моих зениц коснулся он:

Отверзлись вещие зеницы...

Они долго бродили по мокрым курганским улочкам. Говорили о поэзии, но больше молчали. С Серафимой молчать оказалось ничуть не хуже, чем говорить.

Мокрые снежинки падали им на лица и тут же таяли.

Когда пришло время расставаться у общежития пединститута, Серафима неожиданно поцеловала Борисова в щёку, а он столь же неожиданно предложил:

– Выходи за меня замуж!

И она почему-то сразу согласилась.

Глава третья

1

Чёрная надпись на стене продолжала нагло лезть Борису в глаза каждый раз, когда он проходил через арку. И как бы ни пытался он отводить взгляд в сторону, но дерзкое утверждение: «Витька, я спал с твоей женой:»)» всё равно всплывало перед глазами. И вроде бы после разговора с «компьютерным гением» Лившицем Борисов почти уверовал в то, что эта надпись – чья-то подростковая шалость и, следовательно, к нему и к его жене никакого отношения не имеет, но стоило только ему в очередной раз зайти в арку, и снова подозрения начинали копошиться в душе.

Он невольно стал искать обходные маршруты. К троллейбусной остановке шёл мимо мусорных баков, куда вдруг понадобилось что-то выкинуть; к газетному киоску, где надо купить программу телепередач, – через соседний двор... Но пословица «С глаз долой, из сердца вон» не сбавляла – пресловутая надпись никак не шла из головы.

И отношения его с Ингой изменились. Она стала какой-то отчуждённой и замкнутой, и это напрягало Борисова, живо напомнило ему отношения с первой женой.

... Они с Серафимой поженились просто потому, что время пришло.

– Вы создаёте ячейку советского общества – счастливую молодую семью... – провозгласила тётка в Курганском ЗАГСе, выдавая им свидетельство о браке. Свидетелями, само собой разумеется, были Марина Ковалёва и Ваня Редчич.

Шумной свадьбы не устраивали. После регистрации зашли в кафе, выпили шампанского. Вот и всё торжество.

Эйфория от начала семейной жизни некоторое время сохранялась: знакомство с родственниками невесты и с родителями Борисова, «медовый» месяц, взаимное узнавание...

Полтора года, до окончания Борисовым училища, они искренне радовались редким свиданиям – два раза в неделю, когда «женатиков» отпускали в увольнение с ночевкой... Для этих «свиданий» в частном домике на берегу Тобола у одной доброй старушки снимали комнату... Не в общежитие же идти, где кроме Серафимы жили ещё три студентки. А к её родителям в Шадринск не наездишься, это почти сто пятьдесят километров от Кургана!

Словом, отсутствие большой любви вполне компенсировалось молодым и жадным влечением друг к другу, а редкие встречи подогревали взаимный интерес. И, пока не появилась привычка к семейной жизни, которая «свыше нам дана – замена счастью она», у Серафимы к середине четвёртого курса заметно округлился живот...

Так что вместе с погонами лейтенанта и красным дипломом об окончании училища Борисов получил ещё и свидетельство о рождении дочери, которую по обоюдному желанию назвали Леночкой.

Ему выпало служить замполитом роты охраны в отдельном батальоне аэродромно-технического обеспечения в небольшом белорусском городке Щучине.

Борисов на последнем курсе училища стажировался в Щучине, в этой самой роте, и хорошо зарекомендовал себя. Замполит батальона майор Третьяков, подписывая ему характеристику после стажировки, сказал:

– Буду ходатайствовать, чтоб тебя, Борисов, к нам направили после училища! Ты только попросись в Белорусский военный округ... Обещаю – не пожалеешь!

Серафима с ним в Щучин сразу не поехала: Леночка родилась слабенькой, и надо было завершить учёбу в институте. Она перевелась на заочное обучение и переехала к своим родителям, чтобы помогли нянчиться с Леночкой и дали возможность доучиться.

Поначалу Борисов расстроился, что жены и дочери рядом не будет, а после понял, что это к лучшему. Свободных квартир в гарнизоне ко времени его прибытия не оказалось. Ютиться с молодой женой и грудной дочерью в комнатке офицерского общежития, где один туалет с умывальником на весь этаж, радость весьма сомнительная...

Да и рота досталась ему непростая – сто человек, из которых половина старослужащие, на солдатском жаргоне – «деды», а вторая – представители солнечного Таджикистана, почти не говорящие по-русски.

В первый год офицерской службы Борисову приходилось практически безвылазно находиться в казарме, выступая в роли «инженера по технике безопасности», разбирающего разные коллективные пьянки по случаю «ста дней до приказа» и завершения «дембельского аккорда», конфликты между солдатами разных национальностей и попытки суицида обиженных «салаг»...

Ротный – капитан Сидоренко – оказался пьяницей, и прапорщики – командиры взводов – ему подстать. Старшина роты старший прапорщик Тагиров хотя и не пил, но приворовывал всё, что плохо лежит, а в летний период «припахивал» солдатиков на своём огороде...

Борисов, на которого Третьяков возлагал большие надежды, крутился, как белка в колесе, – без выходных, работал, как говорится, и за себя, и «за того парня»: давал ежедневный инструктаж караулу, проверял несение службы днём и ночью, писал письма родителям солдат и характеристики «дембелям», переоборудовал устаревшие планшеты в Ленинской комнате,

вёл политзанятия и организовывал политические информации... Да мало ли найдётся у замполита задач, если служит по совести!

Главным итогом года стало то, что его рота не имела потерь: никого не застрелили на посту, не убили в пьяной драке, не отправили в дисбат. Обошлось без самовольных оставлений части и поиска беглецов по Союзу. К тому же все солдаты успешно сдали итоговую проверку. Даже рядовой Ташмутдинов, совсем не говорящий по-русски, сумел показать на карте все страны блока НАТО и столицы союзных республик.

Замполит батальона майор Третьяков, ошалевший от успехов некогда «чэпэшной» роты, рекомендовал лейтенанта Борисова для избрания секретарём партбюро батальона. Коммунисты дружно проголосовали «за», и Борисов смог перевести дух. Должность секретаря – капитанская и не такая «собачья», как у замполита роты. Главное, чтобы протоколы партбюро и партсобраний были в порядке, да с командованием в бутылку не лезть, отстаивая Моральный кодекс строителя коммунизма и партийные принципы.

Тут и квартирka однокомнатная в гарнизоне освободилась, и Серафима свой педагогический окончила.

Взяв отпуск по семейным обстоятельствам, Борисов привёз семью к месту службы, и зажили они наконец своим домом.

Леночка поначалу вздрагивала от проносающихся над пятиэтажками самолётов, но после привыкла и спала под рёв турбин, как под самую сладкую музыку.

Серафима оказалась домовитой хозяйкой. Она ловко обустроила их гнездышко, готовила, стирала, ждала его со службы. Если у Борисова появлялось свободное время, они все вместе гуляли по городку, выезжали в Щучин, любовались бывшим панским дворцом Сципионов и величественным костёлом Святой Терезы, заглядывали на местный рынок и в магазины, где витрины изобиловали товарами, невиданными в Зауралье...

Жили ровно, без пылкой любви и сумасшедших страстей, но и без взаимных упрёков и громких скандалов. Словом, как большинство благополучных семейных пар.

Серафима устроиться на работу в гарнизонной школе не смогла – свободных вакансий не оказалось. В единственном на весь военный городок детском саду места для Леночки тоже не нашлось. Дочь часто простывала в сыром белорусском климате и нуждалась в особом внимании. Поэтому Серафима всё своё время и всю свою нежность без остатка отдавала ей. Борисов относился к некоторому охлаждению супруги с пониманием, ведь и сам он был сосредоточен на службе и карьере.

Так продолжалось без малого четыре года.

Борисов получил капитана и готовился заменить Третьякова на его должности. Самого майора должны были вот-вот забрать в политотдел авиационной дивизии на повышение.

В конце февраля восемьдесят третьего года Третьяков отправил Борисова вместо себя на пятидневные сборы замполитов частей округа в Минск, чтобы набирался опыта, который пригодится ему в перспективе.

Сборы были насыщенными: строевой смотр, сдача зачётов по уставам Вооружённых Сил и нормативным документам, стрельбы и физическая подготовка, методические занятия...

На третий день, прямо с лекции по международной обстановке, дежурный по окружному Дому офицеров экстренно вызвал Борисова к телефону.

– Из вашей части звонят, товарищ капитан, – предупредил он, когда Борисов спустился в комнату дежурного.

– Виктор, здравствуй! – Борисов узнал голос Третьякова.

– Здравия желаю, товарищ майор! – весело отозвался он. – Разрешите доложить? Сборы проходят согласно плану...

– Виктор, тебе надо срочно вернуться в гарнизон! – оборвал его Третьяков.

– Что-то случилось?

– С политуправлением я всё решил. Выезжай немедленно! – В трубке раздавалось потрескивание, шуршание, щелчки – шумы, которые обычно сопровождают связь между армейскими коммутаторами.

– Алло, алло, товарищ майор, я вас не слышу! Что случилось?

Наконец снова раздался голос Третьякова:

– Выезжай срочно! Всё узнаешь по приезде! – И короткие гудки.

Борисов подошёл к полковнику из политуправления, курировавшему сборы, и сообщил, что его вызывают в часть. Полковник поморщился и, поворчав, что сборы проходят раз в году и участие в них обязательно, разрешил ему уехать к месту дислокации. Борисов забрал свои вещи из казармы Минского политического училища, где размещались участники сборов, и отправился на вокзал.

На первом проходящем в сторону Гродно поезде он за четыре часа доехал до Щучина и на привокзальной площади успел заскочить в отъезжающий рейсовый автобус до гарнизона.

Купив у кондуктора билет, Борисов уселся на свободное место в конце салона и уставился в окно, за которым в стущавшихся сумерках зажигались фонари и проплывали уютные улочки города.

Впереди сидели две женщины. Одна из них работала продавцом в Военторге, а другая была Борисову незнакома. Они о чём-то негромко переговаривались.

Борисов не прислушивался, пока одна из долетевших фраз не заставила его наострить слух.

– Слышала, что вчера случилось? – спросила продавщица.

– Откуда? Я же к родне ездила в Гродно... А что случилось-то?

– Девочка в пожарном водоёме утонула!

– Господи, что ж это такое? Как она могла утонуть? Прудик-то сейчас подо льдом, да и мелкий он – летом курица в брод перейти может!

– В том и дело, что мелкий и подо льдом... – подхватила продавщица. – Она с детьми играла и провалилась в прорубь, которую прорубили для учений пожарной команды... Не заметила!

Борисов слушал разговор, ощущая в сердце пока ещё неясную тревогу.

– И что, захлебнулась? – спросила соседка у продавщицы.

– Ещё страшней – сердце от испуга разорвалось! Даже вскрикнуть не успела – так и застыла в воде по грудь... Маленькая, лет пять всего...

– Жалость-то какая! А чья она?

– Офицера одного. Я фамилию забыла... Из батальона обеспечения... Он где-то в командировке, а жена дома одна...

Перед глазами Борисова как будто упала чёрная шторка – он вдруг осознал, что говорят о его дочери.

...День похорон остался в памяти, как один тягостный кошмар. Было много знакомых и незнакомых людей, женщины и мужчины не могли сдержать слёз, и все подходили со словами утешения...

Но Борисов их слушал и не слышал. Он словно окаменел – ни слезинки не выкатилось.

На кладбище, когда гроб стали опускать в могилу, почерневшая, непрестанно рыдающая Серафима рванулась к яме и потеряла сознание. Её едва успели подхватить, сунули под нос нашатырь, увели к автобусу.

Вечером у жены случилась истерика, и Борисову пришлось вызывать «скорую».

Серафиму увезли в психиатрическое отделение районной больницы, где две недели кололи успокоительные.

Она вернулась домой тихая, подавленная, заторможенная. Подолгу сидела в кресле, глядя в угол, где прежде стояла Леночкина кровать. Неделями не разговаривала с Борисовым, не

готовила, не стирала. А то вдруг начинала лихорадочно бегать по квартире, делать уборку, могла вдруг вспылить по пустяку, разрыдаться и броситься к нему в объятия.

Он пытался быть с нею внимательным, предупредительным и даже взял отпуск по семейным обстоятельствам. Но его присутствие только усиливало её депрессию и гневные вспышки. Борисов начал опасаться, что Серафима сойдёт с ума.

– Это ты, Викентий!.. Ты виноват в смерти дочери! Зачем ты привёз нас сюда, в этот гарнизон? – выстреливала отрывистой, как из ДШК, очередью Серафима или начинала винить себя: – Зачем я тогда отпустила её на улицу? Почему не пошла с ней? Как я теперь буду жить без моей девочки?

Выносить перепады её настроения становилась всё труднее.

Серафима захлёбывалась слезами:

– Я не могу здесь больше оставаться! Мне всё здесь напоминает о моей малышке! Я не могу видеть этот проклятый пруд... Витя, я хочу домой, к маме!

Борисов, не зная, чем ей помочь, купил билеты на поезд.

Проводив жену и оставшись один на один со своим горем, он вдруг понял, что жить ему больше не хочется. Он сел и написал рапорт: «Прошу направить меня в Демократическую республику Афганистан для выполнения интернационального долга», подумав при этом: «В Афгане меня убьют, и всё закончится...»

Третьяков внимательно прочитал рапорт:

– Я твоему горю сочувствую всем сердцем, Виктор, и желание твоё исполнить интернациональный долг как коммунист и советский человек понимаю, но рапорту хода не дам! Подожди немного, пока меня в политотдел не возьмут. Вот заступишь на мою должность, а там видно будет... Обещаю, что в политотделе замолвлю за тебя словечко.

– Есть подождать! – Борисов рапорт забрал, но через месяц написал новый, на этот раз – на имя начальника политотдела дивизии.

Вскоре он получил известие, что в июне текущего года будет направлен по замене в Баграм на должность замполита отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения.

Майор Третьяков только руками развёл: «Заварил кашу, сам её и расхлёбывай!»

2

Война не умаляет скорбей, а только добавляет новые.

Борисов напросился на войну в Афганистан, надеясь одолеть своё горе или погибнуть вместе с ним.

Но древний и отсталый, взбудораженный революцией и государственным переворотом край жил своей собственной, непонятной чужакам жизнью, и ему не было никакого дела до личных планов Борисова.

...К новому месту службы Борисов добирался обычным для командированных способом: из Минска самолётом «Аэрофлота» долетел до Ташкента, переехал на аэродром «Тузель», принадлежащий какому-то научно-исследовательскому институту, и уже оттуда военным транспортником Ил-76 вылетел в Кабул.

На борту Ила оказалось около сотни офицеров и прапорщиков, направленных на замену тем, кто отслужил свой срок в ограниченном контингенте советских войск в ДРА.

Рядом с Борисовым оказался вертолётчик – капитан Николай Гаврилов, летевший в Афганистан во второй раз. Откинувшись на стеганую обшивку сиденья, он со знанием дела отвечал на вопросы новичков.

– Как там «за речкой»? Стреляют часто?

– Бывает...

– А где лучше к нам местные относятся?

– Там, где нас нет...

Внизу мелькали хлопковые поля, зелёные кроны чинар и свечи тополей. Вдоль горной гряды извивалась коричневой змеёй река.

– Это Пяндж... За ним – граница! Вот мы и в Афгане, – то и дело тыкал рукой в иллюминатор улыбочивый Гаврилов.

Но вскоре земля скрылась за пеленой облаков.

Борисов, прильнув к иллюминатору, с любопытством наблюдал за «небесными странниками», пока среди облаков не стали появляться проплешины и не замаячил новый, непривычный пейзаж: плотно прилепившиеся друг к другу дома с плоскими крышами, убогие поля, разделённые глинобитными дувалами, островерхие горы, на которых, несмотря на лето, дымился снег...

Прорываясь сквозь небесные хмари, на неприступные склоны падали солнечные лучи, и снежные пики мерцали разноцветными искрами, как дорогое ожерелье, накинутое Аллахом на плечи южной красавицы...

В какой-то миг Борисову показалось, что стайка мерцающих искр устремилась прямо к самолёту, но Ил снова нырнул в облака.

В Кабульском аэропорту пилот лихо зарулил на стоянку. Борттехник открыл задний грузовой люк для выхода пассажиров.

Трое, загорелых, как после отпуска, офицеров штаба 40-й армии, построив прибывших в две шеренги, собрали у всех командировочные предписания.

– Товарищи офицеры и прапорщики, поздравляем вас с прибытием в район дислокации советского воинского контингента в Демократической Республике Афганистан. Вылетать в свои гарнизоны вы будете завтра, а пока можно разместиться в палаточном лагере и отдохнуть. – Двое штабистов укатили на уазике, а оставшийся – подполковник – скомандовал:

– Нале-во! Шаго-ом а-арш! – И повёл колонну к большой, как караван-сарай, выцветшей палатке.

Едва отошли от Ила, как к нему подкатил грузовик ГАЗ-66 с тентом. Из кузова выпрыгнули солдаты, и один за другим торопливо стали затаскивать в чрево самолёта продолговатые деревянные ящики.

– Николай, а что за ящики грузят? – спросил Борисов у Гаврилова, шагающего рядом.

– «Груз двести».

– Я думал, их в цинках отправляют...

– Так точно. Цинковые гробы в деревянные ящики упакованы, чтобы не повредить при транспортировке... – пояснил Гаврилов. – А ты заметил, что по нам из ДШКа влупили, когда мы над Хазараджатом летели?

– Видел какие-то искры со стороны гор...

– Значит, испугаться не успел... – усмехнулся Гаврилов. – Побудешь здесь, научишься искры от выстрелов отличать...

– Так, выходит, нас могли сбить?

Гаврилов покачал головой:

– Нет. Эшелон, на котором мы шли, для ДШК недостижим... «Духи» просто так, в бесильной злобе, пуляли! Вот если бы у них «стингер» под рукой оказался, тогда бы нам никто не позавидовал...

Они разместились в палатке, где по сторонам от прохода стояли двухъярусные панцирные кровати, покрытые матрасами и суконными одеялами, наскоро перекусили остатками домашних запасов и улеглись.

Быстро, как это бывает в горах, стемнело. Ритмично затрещал движок дизеля – под потолком палатки неровно загорелось несколько тусклых лампочек.

Вскоре соседи Борисова захрапели. А ему не спалось, вспоминались события сегодняшнего дня, ряд деревянных ящиков на бетонке... Нелепо и страшно, когда один и тот же борт доставляет на войну живых и возвращает мёртвых.

«Конвейер...» – Борисову вспомнился Курганский мясокомбинат, на котором третьекурсниками они работали посменно, оказывая помощь народному хозяйству. Ещё тёплые, дымящиеся, только что освежёванные туши, сошедшие с конвейера, курсанты подвешивали на рельсы, идущие под потолком. По извилистым, запутанным коридорам, подталкивая туши длинными палками с крюками на конце, перемещали их в разные камеры и отсеки холодильника. Огромная бычья туша так и норовила сорваться с рельса и придавить Борисова своей тяжестью. На крутых, скользких поворотах она припечатывала его к заиндевевшей стене, покрытой ледяными наростами. Ноздри терзал запах свежего мяса и крови...

Где-то в горах таякали шакалы, монотонно гудел движок, и Борисов наконец уснул. Его и других офицеров, вылетающих в Баграм, дежурный поднял ещё до рассвета.

Когда на востоке в быстро редееющем сумраке сначала неясно, а потом всё более отчётливо, как на проявляемом фотоснимке, проступили и тут же занялись пожаром в лучах встающего солнца окрестные горы, «вертушка» поднялась в воздух.

На бетонке, которая на целый год должна была стать для него родной, вертолёт встречала группа военных. Майор с седыми висками и выжженным солнцем русым чубом, выбивающимся из-под фуражки, безошибочным взглядом выцепил в кучке прилетевших Борисова:

– Заместитель командира обато по политчасти майор Петров, – взял он под козырёк. – А вы, как я понял, капитан Борисов – мой сменщик?

– Так точно, товарищ майор, прибыл вам на замену. А как вы меня узнали?

– Не поверите, увидел вас, и как магнитом потянуло... – Майор улыбнулся, и его суровое лицо сразу стало добрее. – Просто фантастика какая-то!

Борисов улыбнулся в ответ:

– Заждались, наверное, вот чутьё и обострилось.

– Есть немного. Последние недели жена и сын чуть не каждую ночь снятся... – с лёгким смущением признался Петров.

– Да я вроде бы и не опоздал...

– Прилетели день в день. Кадровики своё дело знают. Давайте сразу на «ты», если не возражаете?

– Не возражаю. – Борисов пожал майору руку. – Я Виктор.

– Виталий, – ответил на рукопожатие Петров и тут же, уже по-свойски, спросил: – Витя, а ты водку привёз? Хотя комсомолец в дуكانе «затарился» к твоему приезду, но не хочется за знакомство «кишмишовку» глотать... Она мне за год уже поперёк горла встала.

Борисова ещё в Ташкенте проинструктировали, что с главным «русским напитком» за «речкой» напряжённо. В его чемодане среди сменного белья, бритвенных принадлежностей, заветной тетради со стихами и парадной формы, которую приказали взять в «командировку на войну», лежала пара бутылок «Столичной».

Он кивнул, мол, а как же – традицию знаю.

– Тогда вперёд, карета подана. Сейчас закинем раненого в «вертушку» и поедем к комбату – представишься, как положено. Затем – ко мне в модуль, вернее, уже – к тебе... Дастархан накрыт! Секретарь партбюро – за тамаду... – Петров ловко подхватил чемодан Борисова и пошёл упругой походкой к стоящей чуть поодаль «таблетке» – санитарному уазуку.

Двое санитаров в грязно-белых халатах выгрузили из «таблетки» носилки и направились с ними к вертолёту.

Раненый до подбородка был накрыт простынёй, вся нижняя часть которой пропиталась кровью. Его лицо, осунувшееся и бледное, несмотря на ввевшийся в кожу загар, показалось Борисову знакомым.

Рядом с носилками семенил капитан-медик с системой для переливания крови в поднятой руке:

– Кто это, док? – спросил Борисов.

– Прапорщик, десантник... Минно-взрывная травма обеих нижних конечностей...

В Кабул везём... – на ходу отозвался тот.

– А фамилия как? – Борисов пошёл рядом.

– Щуплов... Прапорщик Щуплов, 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк... Знакомый, что ли?..

– Знакомый... – Борисов скорым шагом пошёл к «таблетке», у которой поджидал его майор Петров.

– Что, сослуживца встретил? – поинтересовался он.

– Одноклассник. Женька Щуплов, второгодник и школьная шпана... Никак не ожидал его здесь увидеть...

– Здесь и неожиданностей много, и шпаны хватает... – Петров разразился неожиданной сентенцией: – Запомни, Витя: война сама по себе дело неожиданное. Она ничего в человеке не добавляет. Ни лучше, ни хуже его не делает, а только действует, как проявитель: дерьмо сразу наружу всплывает, а порядочность и на войне собой остаётся...

Весь остаток дня, пока Борисов представлялся начальству и политработникам батальона, и после, когда они с Петровым и секретарём партбюро Сметанюком обмывали его приезд, он вспоминал обескровленное лицо Щуплова и бурые пятна, проступившие через простынь...

«Женька останется без ног... Если вообще выживет... И всё это называют «интернациональный долг»... А долг, оказывается, обыкновенное перемалывание живых и здоровых людей в пушечное мясо, которое в цинках, словно тушёнку, везут в Союз...» – крамольные, неприличные для замполита мысли ворошились в его мозгу, на который ни советская водка, ни добавленная к ней «кишмишовка», она же – «шаропа», припасённая старожилками, не оказывали в этот вечер никакого одурманивающего воздействия.

«...Их нежные кости сосала грязь, над ними захлопывались рвы...» – вот реальность, с которой надо было Борисову свыкнуться.

3

Батальон в Баграме обслуживал полёты отдельного штурмового авиаполка и смешанной вертолётной эскадрильи. Штурмовики Су-25, они же – «грачи», совершали боевые вылеты с завидной регулярностью: и днём, и ночью. Вертолётчики ночью практически не летали, но в светлое время суток навёрстывали упущенное.

И штурмовики, и «вертушки» надо было постоянно заправлять, обеспечивать электричеством на старте, охранять на стоянках. На обато так же лежала обязанность подвозить боеприпасы и запчасти, чистить взлётно-посадочную полосу, обеспечивать лётно-техническую и солдатскую столовые всем необходимым: водой, нуждающейся здесь в специальной обработке, продовольствием для всех категорий военнослужащих...

Особый вопрос – санитария: помывка личного состава и стирка белья; борьба с полчищами мух, не дающими в столовой ложку ко рту поднести, а в палатках – заснуть, и с ядовитыми тварями – скорпионами, фалангами, каракуртами, заползающими в обувь и одежду...

Для решения всего комплекса задач батальон был укомплектован тремя с половиной сотнями офицеров, прапорщиков, солдат и включал в себя три роты: аэродромно-эксплуатационную, автотехническую и охраны, и всякие службы – ГСМ, продовольственную, вещевую, медицинскую...

Такое «хозяйство» и в мирной обстановке не позволит бить баклуши. Что уж говорить о войне! Тут и командир, и замполит, и все остальные офицеры – знай, гляди в оба и не забывай об армейской пословице: «Куда солдата ни целуй, везде у него – задница!»

Политотдел 40-й армии с завидной регулярностью информировал офицерский состав о чрезвычайных происшествиях, большинство из которых совершали военнослужащие срочной службы. Солдаты и сержанты «ограниченного контингента» то и дело тащили в палатки неучтённые боеприпасы и оружие, срывались в «самоволку», чтобы у местных торговцев выменять патроны и гранаты на тёмно-зелёные пластины «насвая» – смеси табака и гашёной извести, на анашу или гашиш. Обкурившись, дрались и палили друг в друга, лазили на бахчи за дынями, болели дизентерией, мародёрничали... Были случаи, когда этих молодых дуралеев ловили «духи», продавали в рабство, резали на «ремни», а головы несчастных «шурави» подбрасывали к границам аэродромов и воротам воинских частей.

И хотя подобные нарушения дисциплины случались, батальон Борисова всё же обеспечивал работу авиационных подразделений достойно: самолеты и вертолёты взлетали в срок и выполняли поставленные боевые задачи.

В повседневной круговерти, в которой жил обато, война давала о себе знать только пробоинами на фюзеляжах вернувшихся штурмовиков да ночными обстрелами аэродрома, к которым Борисов вскоре привык... И всё же тревожное ощущение, что смерть ходит рядом, не покидало его.

«На войне победа определяется, в конечном счёте, состоянием духа тех масс, которые на поле сражения проливают свою кровь» – этот ленинский лозунг, написанный на планшете в походной Ленинской комнате, требовал постоянной работы и от самого Борисова и от всего партийно-политического состава батальона. И снова, как в ту пору, когда Борисов служил замполитом роты, не оставалось у него ни минутки свободного времени: приходилось проводить партийные и комсомольские собрания, политинформации и политучёбу, выпускать листовки и стенгазеты, представлять сводки о морально-политическом состоянии подчинённых, оформлять наградные на отличившихся...

Самым тяжёлым делом оказалось отправлять в Союз «двухсотых» и писать письма матерям погибших. Поскольку батальон в активных боевых действиях не участвовал – в атаки на душманов не ходил и по горам не лазил, собственно, боевых потерь, среди подчинённых Борисова было немного – при обстреле колонны сгорели в топливозаправщике прапорщик Зыков и рядовой Узенбаев, ещё двое солдат: Мартьянов и Бойко подорвались на фугасе, тоже во время транспортировки грузов... Пятеро военнослужащих погибли по своему разгильдяйству. Один из-за баловства с оружием, другой – подорвался на растяжке, выставленной за аэродромом, ещё трое отравились «пойлом», выменным в самоволке... Все эти случаи в официальном донесении списали на «бое столкновения с мятежниками», но Борисов чувствовал в смерти каждого и свою вину – не доглядел, не воспитал, не разъяснил...

Слабым утешением служило то, что нелепых смертей на этой войне было немало, как и лжи о потерях и подвигах.

Знакомые вертолётчики рассказали, как погиб два года назад полковник-штабист из Москвы. Штабист возвращался из Кундуза в Кабул после проверки. Вертолёт подбили, и он вынужден был сесть.

Все выскочили из «вертушки», залегли. И тут москвич метнулся назад к вертолёту.

– Назад, товарищ полковник! Сейчас рванёт! – заорал командир.

– У меня там пакет важный... – Полковник нырнул в салон.

Он успел выскочить обратно с огромным пакетом и даже сделал несколько шагов от вертолёта. Тут и рвануло. В баках – две с лишним тонны керосина. Полковника окатило горячей смесью... Экипаж бросился на помощь, но и сам полковник, и его «важный пакет» сгорели в

считанные минуты. Командир вертолётa, пытаясь потушить живой факел, получил ожог обеих рук...

Оказалось, полковник вёз две дублёрки – жене и дочери в подарок. А в донесении написали: «пал смертью героя, выполняя свой воинский долг». И к Звезде Героя Советского Союза представили... Звезду всё-таки не дали – наградили посмертно орденом Красного Знамени.

Ещё одна нелепость: капитан-десантник подорвался, позарившись на японский магнитофон. Разведбат взял базу мятежников, стали шуровать в «духовских» землянках, капитан увидел дефицитную вещь. А «бакшиш» оказался с сюрпризом – взорвался у него в руках... Тоже посмертно представили к ордену. Не напишешь же в представлении, что из-за магнитофона офицер погиб! Но и без награды оставлять до конца «исполнившего свой интернациональный долг» было не принято...

Все эти истории широко обсуждались среди личного состава «ограниченного контингента», но, как правило, никого ничему не учили: «Каждый сам наступает на свои грабли. И каждые грабли стреляют по-своему...»

Через полгода пребывания в должности Борисова вызвали в политотдел армии на сборы заместителей командиров частей: «Война войной, а методические занятия никто не отменял!»

Борисов, ранее бывавший только в Кабульском аэропорту, радовался возможности посмотреть на столицу страны, которой оказывает «братскую помощь», и всю дорогу пялился в окно встретившего их армейского пазика.

Расположенный в чашеобразной долине, окружённой островерхими горами, Кабул мало напоминал столичный город. Одноэтажные саманные дома были обращены к дороге глухими стенами. Борисов не увидел ни одного окна, зато многие улочки выстланы узорчатые разноцветные ковры.

– Вот это да! – воскликнул он. – У нас за такими коврами в Военторге очередь на год расписана. А здесь они под ногами валяются!

– Так по технологии положено, – пояснил прапорщик, водитель автобуса. – Новый ковёр надо вытоптать!

В городской толчее плавно шествовали группы женщин в паранджах чёрного, бежевого и голубого цветов, но встречались афганки с открытыми лицами и в европейской одежде. Мужчины щеголяли в серо-зелёных армейских шинелях и оливковых мундирах Царандоя – местной милиции. Старики были одеты в длинные белые рубахи – «камис», короткие матерчатые шаровары и резиновые калоши. С криками носились ватаги ободранных, босоногих мальчишек с грязными лицами. Они бойко торговали сигаретами и жвачкой...

Сквозь толпу, вдоль торговых лавок – дуканов, где можно купить всё – от кучки дров и наркотиков до американских джинсов и монгольских дублёнок, пазик медленно продвигался к центру в чадающем и постоянно сигналившем потоке машин.

На площади, окружённой четырёхэтажными домами, стоял бравый регулировщик. Устроившись на специальной тумбе, он отточенными движениями полосатого жезла руководил водителями. И пробка мгновенно рассосалась.

Снова подал голос прапорщик – знаток кабульских достопримечательностей:

– А ведь это единственный регулировщик на весь Кабул!

– Неужели единственный?

– Так точно! Его в программе «Время» показывают чаще, чем нашего командарма!

В районе Дар-Уль-Аман над городом возвышался дворец «Тадж-бек». Некогда служивший резиденцией Амина, он сильно пострадал при штурме в 1979 году, но пару лет назад был отремонтирован, передан под армейский штаб и теперь поражал взоры обилием разноцветного мрамора и лепнины, расписными узорами высоких потолков.

Впрочем, долго любоваться интерьерами Борисову не пришлось. Прибывших офицеров рассадили в большом зале. За столом президиума, совсем как на партсобрании, накрытым

красной скатертью, разместились: начальник политотдела армии – генерал-майор Чупров и два полковника. Одного из них Борисов узнал – это был заместитель Чупрова – Беглов, приехавший в Баграм на итоговую проверку, а второго – с авиационными погонами представили как инспектора ГлавПура Истратова.

Чупров, на усталом лице которого застыло выражение недовольства, долго и нудно говорил о напряжённой политической обстановке, о том, что все силы мирового империализма во главе с США ополчились против молодой Демократической Республики Афганистан, что народная власть на территории, где дислоцируются части и соединения 40-й армии, носит по-прежнему очаговый характер, что лидеры мятежников Гульбеддин Хекматияр, Ахмадшах Масуд и мулла Фарух активизировали свою деятельность, что повсеместно продолжается насильственная мобилизация мирных жителей в бандформирования, участились случаи засад и обстрелов войсковых колонн, факты мести тем, кто служит народной власти, и вдобавок ко всему увеличилось число караванов с территории Пакистана и Ирана, поставляющих самое современное оружие моджахедам и пополнение для их отрядов...

– Всё это, товарищи политработники, налагает на нас с вами повышенную ответственность, – вещал генерал Чупров. – Каждый из вас должен помнить о необходимости наращивать усилия по боевому слаживанию, расширять пропагандистскую работу по выполнению решений XXVI съезда партии, ужесточать спрос с коммунистов-военнослужащих, мобилизуя их на достойное выполнение воинского интернационального долга.

Борисов, сидя в предпоследнем ряду, слушал генерала вполуха, хотя автоматически и делал пометки в своём блокноте: всё, что в Союзе принималось за чистую монету, здесь, в Афгане, казалось далеко не таким однозначным.

«Лучше бы снабжали всем необходимым! Одни словеса... А тетрадей для политзанятий нет, материалов для наглядной агитации нет! Столы и табуретки делаем сами, кто во что горазд...» – про себя комментировал он речь высокого начальника.

Генерал Чупров закончил доклад и предоставил слово представителю Главного политического управления Советской армии и ВМФ.

Полковник Истратов начал неожиданно:

– А теперь, товарищи офицеры, поговорим о гигиене. Да-да, о самом элементарном – о мытье рук. Грязные руки привели к тому, что в прошлом году в вашей армии, – тут полковник выразительно глянул на начпо, – только вирусным гепатитом переболело пятнадцать тысяч человек. Это же полторы полнокровные дивизии! Число заболевших тифом и дизентерией тоже сопоставимо с этой цифрой. Ну, ладно, я понимаю: жара, немытые фрукты, понос... Но вчера я побывал в Кундузе, так вот, у пятидесяти процентов солдат срочной службы – педикулёз! Проще говоря – вши! Кто здесь из Кундуза? Прошу встать...

В зале поднялись подполковник и два майора.

Истратов окинул их гневным взглядом:

– Дожили, товарищи офицеры! Вши едят ваших солдат! Вы сами-то руки моете? В бане когда последний раз были? Вы хоть раз заглядывали в палатку, которую отвели для инфицированных больных? Полагаю, что нет! А я вот удусужился! Там на шестьдесят койко-мест одна печь и полная антисанитария. Больные лежат на голых матрасах... Дежурного врача не наблюдается... Бачок с кипячёной питьевой водой отсутствует! Скажите, что вы лично, офицеры-политработники, сделали для того, чтобы предотвратить подобное безобразие?

Истратов, невзирая на воинский этикет, так горячо распекал старших офицеров, что Борисов и себя почувствовал виноватым. Ведь и в его батальоне тоже всего одна баня-самострой, и она не отличается идеальной санитарией: «Надо будет уговорить комбата и сделать ещё одну... И медсанчасть проверить».

Наконец экзекуция «кундузцев» закончилась. После публичной взбучки в зале установилась звенящая тишина. Все напряжённо ждали, кто будет следующим. Но Истратов с чувством выполненного долга сослался на неотложные дела и удалился, а следом за ним ушёл и начпо.

Полковник Беглов с явным облегчением объявил:

– Сейчас, товарищи офицеры, перед вами с сообщением выступит постоянный корреспондент газеты «Красная Звезда» по Туркестанскому военному округу капитан Царедворцев. Прошу вас, товарищ капитан...

Из первого ряда поднялся и, одёрнув новенький китель, прошёл к трибуне Николай Царедворцев.

Со школьным другом Борисов не виделся года четыре, если не пять: служили далеко друг от друга, и время отпусков не совпадало. Да и отдыхать Царедворцев уезжал к морю, а не в задымлённый Челябинск...

Николай почти не изменился со времени их последней встречи: всё та же «гагаринская» улыбка, комсомольский задор в глазах и речах, разве что в талии чуть раздался – от кабинетного сиденья.

Борисов о служебной карьере друга был наслышан.

Царедворцев после училища, по протекции тестя-генерала, остался служить во Львове. В редакции окружной газеты «Слава Родины» его сразу назначили на майорскую должность – начальником отдела комсомольской работы.

Но каким образом Коля при таком высоком покровительстве очутился в богом забытом Туркестанском военном округе, теперь ещё и «прифронтовом», Борисов не ведал ни сном ни духом.

В перерыве, объявленном после доклада Царедворцева о деятельности средств массовой информации по освещению ратного труда ограниченного контингента советских войск в Афганистане, Борисов протиснулся к нему через толпу выходящих из зала.

Царедворцев обрадовался встрече. Они обнялись, отошли в сторону, пропуская участников сборов, спешащих на обед.

– Как ты, Бор? Давно здесь? Похудел...

Борисов от жары, нервогрёпки и не самого лучшего рациона в самом деле сбросил килограммов десять и на офицерском ремне вынужден был проколоть новые дырки, но перед другом принял вид лихой и придурковатый:

– Полгода уже на диете! Вхожу в спортивную форму... – засмеялся он. – Служу в Баграме, замполитом батальона. А тебя, Коля, какая нелёгкая занесла из Прикарпатского – в Туркестанский?

– Не поверишь, тестюшка удружил... – поделился Царедворцев. – Всё мою карьеру строит. Говорит, чтобы продвигаться вверх, нужен боевой опыт... Вот и выхлопотал мне через своих друзей в ГлавПУре перевод в Ташкент. Правда, на подполковничью должность, но с обязательным условием – побывать южнее Кушки и отличиться...

– И как, отличился? – Борисов посмотрел на его грудь: рядом с колодкой юбилейной медали красовались серая с жёлтой окантовкой планка медали «За боевые заслуги» и багряная с сиреневым – ордена Красной Звезды. – Да ты герой!

Царедворцев самодовольно усмехнулся:

– Трудно ли умеючи... Две командировки сюда. И обе – удачные. Один раз с десантниками в рейд сходил на Чагчаран... Они большой склад с оружием захватили. Второй раз с кундузскими вертолётчиками слетал на перехват каравана... Сам, конечно, не стрелял, но материалы оба раза сделал отличные: «...во время учебных стрельб воины подразделения капитана такого-то поразили все мишени, помогли жителям кишлака починить дорогу, прорыть арык» и так далее... А ты разве не читал? В «Звёздочке» опубликованы...

– Не читал, – смутился Борисов. – Некогда было, да и с газетами у нас перебои...

– Это непорядок! Исправим, – деловито изрёк Царедворцев и продолжил разглагольствовать: – Задачу минимум, поставленную тестем, я выполнил. Теперь, с госнаградами, легче в академию будет поступить: орденосцы идут вне конкурса!

– Да тебе-то что бояться? За тебя и так слово замолвят!

– Э-э, не скажи! Сейчас всё строго. Там... – Царедворцев ткнул указательным пальцем в потолок. – Большие перемены грядут. Говорят, перестраиваться будем! А куда и за кем перестраиваться, пока не совсем понятно... Слушай, а ты что рапорт в академию не пишешь? Хочешь, я о тебе с Чупровым переговорю? Он с моим тестем дружит. Решим вопрос положительно...

– Нет, спасибо, я сам, – отказался Борисов, хотя учёба в академии являлась его давней мечтой.

– Ну, как знаешь, была бы честь предложена, – слегка нахмурился Царедворцев, но тут же склонился к уху Борисова и, хотя рядом никого не было, зашептал: – Слушай, Бор, а у тебя случайно нет комсомольского билета? Ну, такого, чтобы пулей был пробит и кровью залит побольше, но чтоб имя и фамилия читались?

– Это что – убитого комсомольца? – Борисов даже не сразу понял, о чём идёт речь.

– Ну да. Билет ведь на сердце хранится! – Глаза Царедворцева сияли: – Пуля «душмана» пробила комсомольское сердце... Представляешь, какой материал? Закачаешься! У меня его «Комсомолка» и «Правда» с руками оторвут... А потом я этот билет в Музей боевой славы округа отдам. Они уже ждут...

– Такого билета у меня нет, – сухо сказал Борисов, вдруг вспомнив поговорку индейцев – их общего детского увлечения: «Есть много способов пахнуть скунсом...»

– Ну, нет, так нет. – Царедворцев подхватил Борисова под локоть и, поскрипывая новенькими хромовыми сапогами, повлёк по коридору к офицерской столовой. – Спрошу в политотделе армии, у комсомольцев. У них точно отыщется.

На ходу он продолжал говорить:

– Я до завтрашнего утра в Кабуле. Остановился в корпункте «Правды», в особнячке, рядом с нашим посольством... Ты, Бор, давай отпросись у начальства, вечерком посидим, выпьем, вспомним всех наших, ты мне о своей семейной жизни расскажешь, стихи прочитаешь... Пишешь, не бросил?

Борисов от приглашения отказался, сославшись, что ему надо возвращаться в часть. Царедворцев стал настаивать. Но тут его окликнул полковник Беглов, сказав, что начальник политотдела ждёт на обед в зале командующего.

– Ладно, Бор, пока! Ты ещё в столовую успеешь... Увидимся после обеда, – помахал рукой Царедворцев.

Сразу после обеда Борисов вместе с подполковником Клепиковым убыл в Баграм на его уазике. В дороге он размышлял о встрече с Царедворцевым, о его циничной просьбе – раздобыть комсомольский билет убитого солдата ради «классного материала», о той лёгкости, с которой Коля умудрился в кратких командировках получить медаль и орден. У самого Борисова за время службы в Афгане никаких «железок» на груди не было, ведь в рейды он не ходил, не ранен и не контужен...

Уазик неспешно двигался в колонне правительственных войск по широкому шоссе, идущему на Чарикар. Это шоссе – одно из немногих в Афганистане можно было назвать цивилизованной и сравнительно безопасной дорогой. Здесь часто встречались посты, на которых дежурили афганские и советские солдаты.

Спустя пару часов колонна остановилась на привал, и Клепиков решил продолжить движение самостоятельно. Вообще-то, передвижение, даже по этому шоссе, одиночным транспортом не рекомендовалось, но до поворота на Баграм, где базировался танковый батальон, осталось не более десяти километров, зелёнки вдоль дороги не было – так что же терять время!

Они почти доехали до своего поворота, когда на обочине пустынной дороги показался одиноко стоящий автобус – обычная афганская «барбухайка», разукрашенная, как цирковой балаган.

Клепиков скомандовал водителю:

– Вася, остановись, не доезжая... Метрах в двадцати. – И обратился к Борису: – Оружие проверь, капитан... Посмотрим, что там такое...

Борисов расстегнул кобуру, вытащил ПМ, снял с предохранителя:

– Может, не стоит связываться, Владимир Константинович? Рисуем ведь...

Клепиков только улыбнулся:

– Так и так рискуем. – И приказал водителю: – Двигатель не глуши! Если что – гони к заставе за подмогой...

«Ага... если что – никакая подмога не успеет...» – Борисов нехотя выбрался из машины.

– Спрячь пистолет, капитан, но кобуру держи открытой, – Клепиков первым двинулся к автобусу. Борисов поплёлся за ним.

«Барбухайка» не подавала признаков жизни: шторы на окнах закрыты, внутри – ни звука. Но едва только Клепиков и Борисов подошли поближе, дверь водителя распахнулась и из неё выскочил афганец лет тридцати. Он, широко улыбаясь, представился на довольно сносном русском:

– Я Абдулло, офицер службы безопасности. Везу группу партийных активистов в Сумучак. Будем проводить агитацию среди местного населения.

– Агитация – это хорошо, – кивнул Клепиков. – А документы у вас есть, товарищ Абдулло?

Афганец протянул ему мятый листок с синей печатью, испещрённый арабской вязью.

Клепиков повертел бумагу, вернул «хадовцу» и попросил закурить.

«Зачем? Ведь он не курит...» – подумал Борисов.

Пока афганец, продолжая улыбаться, доставал из кармана и угощал подполковника сигаретой, Борисов подошёл к автобусу сбоку, остановился напротив окна.

Шторка немного сдвинулась, и прямо в лоб Борису нацелился ствол автомата. Устаревший образец АК-47 был оружием «душманов» – у правительственных войск на вооружении таких не было. Борисов успел оценить это и даже разглядел потёртости и царапины на стволе.

«Вот так и сбываются мечты... Хотел, чтобы меня убили, – сейчас убьют! А умирать-то не хочется...» – Он застыл на месте, поглядев в сторону Клепикова, который продолжал мирно беседовать с дружелюбным афганцем.

Подполковник, уловив его взгляд, приложил руку к ушанке и попрощался со своим собеседником:

– Удачи вам, товарищ Абдулло! Счастливого пути! – И крикнул Борису: – Едем, капитан!

К узику Борисов шёл на ватных ногах, не оглядываясь, сдерживаясь, чтобы не побежать.

Они сели в машину, и Клепиков, выбросив в форточку так и не раскуренную сигарету, ласково распорядился:

– Давай-ка, Вася-сын, медленно, без рывков, поехали отсюда...

Когда злополучный автобус скрылся из поля зрения, Борисов наконец выдохнул:

– Это же «духи», товарищ подполковник!

– Ясный перец, «духи»! Потому я и не полез автобус досматривать! Сейчас танкистам сообщим, пусть бронегруппу сюда высылают, пока чарикарская колонна не подтянулась...

– Почему они в нас не стреляли?

– А кому нужен шум рядом с гарнизоном... Да и не мы им были нужны. Это точно!

«Вот я и получил свою медаль за боевые заслуги, – усмехнулся Борисов. – Верно говорил мой предшественник – майор Петров: на войне главная награда – живым остаться...»

4

«Все дороги ведут в Баграм» – аэродром, где служил Борисов, представлялся ему залом для транзитных пассажиров: одни – на войну, другие – с войны, третьи – прямо в Вечность... Здесь можно было неожиданно столкнуться с давним знакомым или разминуться в толпе, находясь всего в десятке метров друг от друга.

На Баграмском аэродроме Борисов встретил Игоря Лапина – товарища по лёгкоатлетической секции в спорткомплексе «Металлург». Лапин прилетел с группой уральских геологов в Афганистан для исследования месторождения железной руды и теперь направлялся в отдалённый горный район.

– Будем искать для правительства Наджибуллы железо, – сообщил Лапин. – Если найдём, построит у себя комбинат, как у нас в Челябине...

Геологов сопровождало отделение десантников из соседней десантно-штурмовой бригады, а со стороны «афганских товарищей» – узбек по имени Юсуф из 53-й дивизии генерала Абдул-Рашида Дустума, воюющей на стороне правительственных войск.

Борисов накормил Лапина и его спутников в солдатской столовой. За обедом поинтересовался у Юсуфа:

– А вы не боитесь, уважаемый Юсуф, с таким небольшим отрядом отправляться в район, контролируемый мятежниками?

– Боюсь, – честно признался Юсуф. – Но боюсь не того, что убьют меня. Погибну я, заплачет только моя мать... Боюсь, что могут пострадать наши друзья, гости нового Демократического Афганистана. – Он выразительно посмотрел на геологов. – У нас говорят так: если гость погиб в твоём доме, то плачет сам Аллах...

– А у нас говорят иначе: на Аллаха надейся, но сам не плошай, – улыбнулся Борисов и пожелал удачи Юсуфу и Лапину. – Будем надеяться, что вам повезёт...

Но не всякая встреча с прошлым приносит радость. Однажды в Баграме совершил посадку самолёт с выездным магазином Военторга. На прилавках под открытым навесом разложили товары, каких в обычном советском магазине днём с огнём не найти, разве что в валютной «Берёзке». Среди продавщиц Борисов увидел знакомую по Щучину, ту самую, из уст которой узнал о смерти дочери... К ней он подходить не стал.

Незадолго до его замены секретарём парторганизации в инженерный батальон прибыл однокурсник по училищу, а теперь – капитан Ваня Редчич.

Инжбат, куда он был назначен, занимался ремонтом и строительством ВПП из металлических аэродромных плит. Его подразделения были разбросаны по всему Афганистану, но штаб соседствовал с батальоном Борисова. Возможность поговорить по душам со старым товарищем, конечно же, скрасила ему последние месяцы службы в Баграме.

Редчич через три года после окончания училища всё-таки женился на Марине Ковалёвой, чей «широкоформатный» образ прочно ассоциировался у Борисова с тараканом, вылезшим из кувшина на праздничном застолье в квартире у «Мартенсита». Два года назад у Вани и Марины родился сын. Назвали его в честь деда – Владимиром.

– Когда меня сюда «зарядили», Вольдемар уже длинными предложениями говорить начал, – похвастался Редчич, вдруг назвав сына так, как его тёща – своего мужа.

Борисов вспомнил вечно грассирующего подполковника Ковалёва и пошутил:

– Небось, сынок, как и его дедушка, на «эр» нажимает?

– Вовсе не нажимает, – обиделся за сына Редчич. – Вольдемар весь в меня: гутарит правильно!

– То есть «гыкает»... – не унимался Борисов, соскучившийся по курсантским приколам.

– Скажешь тоже... Разве я «гыкаю»? – Редчич долго обижаться не умел и громко расмеялся: – А помнишь, как ты из-за меня чуть на вступительных не срезался?

– Такое не забывается... Вся жизнь могла бы по-иному повернуться...

– И с Серафимой бы ты тогда не встретился... – подхватил Редчич. – Как, кстати, Леночка растёт, как жена?

– Никак... – коротко ответил Борисов, погасив улыбку. Беречь сердце не хотелось, и он не стал рассказывать Ивану о смерти дочери, а о Серафиме и рассказывать было нечего.

За время службы в ДРА он написал жене в Шадринск шесть писем. Ни на одно не получил ответа. Седьмое письмо, не зная уже, что и подумать, Борисов адресовал своей теще – Евдокии Ивановне. Ответ от неё пришёл довольно быстро. Тёща сообщала, что все живы-здоровы, что Серафима постепенно приходит в себя, устроилась на работу в местную школу и просила пока не беспокоить её, дабы не тревожить хрупкую психику.

«Она сама напишет тебе», – пообещала теща. Но Серафима за целый год ему так и не написала.

Конечно, Борисову было обидно, что жена о нём забыла. Сослуживцы часто получали письма от своих благоверных.

– Во, как меня жинка кохает! – радовался секретарь партбюро капитан Сметанюк. – По два письма в неделю шлёт! – Он порывался читать письма от жены вслух, но Борисов запретил, сказав, что не любит слушать чужих писем.

«Может, и хорошо, что Серафима молчит... – рассуждал он. – Нервы ни мне, ни себе не мотает. Не мешает службу нести... Если меня тут не грохнут, приеду к ней, обниму, и всё у нас наладится».

С заменой у Борисова вышла задержка: кадровики затянули с отправкой «сменщика».

Но не зря говорят: всё, что ни делается – к лучшему.

Ожидая, когда прибудет на его место офицер из Союза, Борисов всё же рискнул – написал рапорт на поступление в академию. Написал, честно говоря, не очень надеясь, что его одобрят. Но удача улыбнулась ему. В начале июня из штаба сороковой армии сообщили, что он включён в списки абитуриентов, поступающих в военные академии.

Сразу по замене Борисов вместе с остальными претендентами был направлен на месячные учебные сборы в Ташкентское высшее общевойсковое командное училище.

Туда же вскоре прибыла выездная комиссия из Москвы, и начались вступительные экзамены – для всех, кто поступал и в Общевоинскую академию имени Фрунзе, и в Военно-политическую академию имени Ленина, и в Авиационную инженерную академию имени Жуковского, и в Академию тыла и транспорта...

Требования у комиссии к теоретическим познаниям «афганцев» были не слишком строгими, и Борисов, поступавший на военно-педагогический факультет ВПА как офицер, имеющий после окончания военного училища красный диплом, без особого труда сдал на пять единственный экзамен по военной педагогике и психологии.

Там же, в Ташкенте, состоялась и мандатная комиссия. Так что, в отличие от офицеров, поступающих в академию из Союза, которым результаты сдачи экзаменов станут известны только в конце августа, Борисов уже к середине июля знал, что зачислен в число слушателей.

Из Ташкента он сразу поехал в Шадринск, чтобы обрадовать Серафиму. Какая жена советского офицера не мечтает четыре года пожить в столице нашей Родины – городе-герое Москве!

Всю дорогу – в самолёте до Свердловска и в поезде до Шадринска – он представлял, как встретит его жена, гадал, как сложится их дальнейшая жизнь: «Может быть, в Москве родится у нас сын или дочь, и всё снова будет, как у людей...»

И ещё Борисов размышлял над тем, как ему привыкнуть к мирной жизни, не ждать взрыва или выстрела, не видеть в каждом встречном узбеке или таджике врага.

В Ташкентском ВОКУ он находился среди таких же, как сам, «афганцев», да и в городе их было немало. Столица «солнечного Узбекистана» благоволила к людям из-за «речки». Таксисты, швейцары и официанты в ресторанах относились к ним предупредительно и даже услужливо. Девушки посматривали на «фронтовиков» с особым интересом. Впрочем, всех их интересовали рубли и чеки в карманах повоевавших...

В Шадринске, выйдя на привокзальную площадь, Борисов огляделся – за время его отсутствия ничего не изменилось: жизнь текла по-прежнему неторопливо и спокойно, как тёмные воды Исети.

По залитой летним светом улице вприпрыжку бежали куда-то девчонки в ярких платьицах, с косичками врзлёт. На остановке, в ожидании автобуса, толкались дачники. К бочке с квасом тянулась длинная очередь горожан с бидончиками... Никаких разрывов, автоматных очередей, истошных завываний муллы...

Борисов шёл к дому Серафиминых родителей по улочкам, знакомым ему с детства, с той поры, когда его отец служил в местном авиационном гарнизоне, и сам он учился в начальных классах: «Да, время здесь как будто остановилось... Только у меня виски поседели...»

Тёща Евдокия Ивановна встретила его радушно, накормила, сообщила, что Серафима на работе в летнем школьном лагере, и вернётся часам к пяти.

– Подожди её, Витенька, отдохни, а я – в сад... Отец там всё лето живёт: работы сейчас – невпроворот. То вскопать, то полить, то прополоть... А я вот туда-сюда мотаюсь... Вы с Симочкой, если надумаете, так завтра с утра приезжайте...

Тёща уехала. А Борисов, пошатавшись по квартире, от нечего делать включил телевизор.

На экране замаячило лицо молодого партийного лидера со сползающей на лоб тёмной отметиной, за которую он в народе получил прозвище «Мишка-меченый».

Генсек длинно и бестолково вещал, «гыкая», наподобие Вани Редчица:

– Товарищи, перестройка и гласность – это в первую очередь значит начать с себя... Нельзя замалчивать наши недостатки, надо смотреть правде в глаза...

«Миша, не гони волну...» – Борисов у телевизора задремал и проспал довольно долго.

Его разбудил звонок в дверь. На пороге стояла Серафима.

– Здравствуй, Сима. – Он попытался её обнять.

Она отстранилась:

– Здравствуй. А где мама?

– В сад уехала...

– Значит, ты вернулся?

– Вернулся. – Диалог разворачивался по принципу плохой мелодрамы.

Серафима плюхнула сумку с продуктами на трюмо:

– Ты загорел и похудел.

Она за прошедший год изменилась: лицо приобрело строгое выражение, свойственное всем школьным педагогам, и волосы стала убирать наверх, скручивая их в шишку. Борисову Серафима вдруг напомнила школьного завуча Нину Алексеевну – только пенсне со шнуриком не хватает... Это сравнение неожиданно развеселило его, и он отозвался бодро и жизнерадостно:

– Я в отличной спортивной форме... В академию поступил!

– Поздравляю, – устало вздохнула она.

Тут Борисов и выпалил главное:

– Я ведь приехал за тобой, Сима. Поедем в Москву! Начнём всё сначала...

Она отвернулась к трюмо, поправила волосы:

– Нет, Витя, я не поеду... – Глаза её в зеркале ничего не выражали.

Возникла пауза, во время которой на трюмо, звонко жужжа, прилетела чёрная муха, уселась на зеркальную поверхность и поползла по отражению Серафимы.

«Хорошо хоть не таракан...» – Борисов обрёл вдруг ту душевную лёгкость, которой ему так не хватало.

– Может быть, позже приедешь? – спросил он непонятно зачем.

Она ловко прихлопнула муху газетой:

– Нет, не приеду. Я подаю на развод.

– Когда? – Он вдруг понял, что рад такому ответу.

– Да хоть завтра.

– У тебя кто-то есть? – с усмешкой поинтересовался он. – Если есть, тогда понятно...

Была без радости любовь, разлука будет без печали!

Она посмотрела на него неожиданно зло:

– Нет у меня никого! Но это не важно. Главное, что я тебя видеть не хочу. Понятно?

Прощаясь с ней, Борисов попросил:

– Серафима, не подавай пока на развод, а то меня из академии попрут... Помнишь, как Леночка любила с разбега бросаться мне на шею: «Папочка, когда я вырасту, стану твоей женой...»? Потерпи немного ради памяти о ней...

Лицо Серафимы при упоминании о Леночке исказила болезненная гримаса. Она посмотрела на него с презрением:

– Ты, Борисов, страшный человек! Хоть когда-нибудь ты можешь не думать о карьере?

...Через полгода, уже учась в академии, он получил от Серафимы письмо, в котором она просила написать заявление о том, что он не возражает против развода. Это заявление необходимо для суда, чтобы развод состоялся без его участия: «Нас быстро разведут, ведь несовершеннолетних детей у нас нет!»

«У нас с тобой не только детей нет, но и ничего общего...» – подумал он и написал в Шадринск, что против развода не возражает.

Спустя два месяца Борисов получил ещё один конверт, на этот раз – официальный, с уведомлением, что его брак с Серафимой Борисовой районным судом расторгнут, что бывшая жена вернула себе девичью фамилию Черняева и что ему надлежит прибыть в Шадринский ЗАГС для получения свидетельства о разводе.

– Как-нибудь заеду... – решил он и больше о Серафиме постарался не вспоминать.

Глава четвёртая

1

Через пару недель после того, как в арке появилась злополучная надпись, Инга вдруг заявила:

– Борисов, ты стал так громко храпеть, что я с тобой не высыпаюсь... – И, не слушая вялых оправданий и возражений, постелила ему на диване в гостиной.

Он улёгся на диван, надеясь, что эта «санкция» временная. Но история повторилась и на следующий день, и на третий...

Борисов заныл:

– Я, вообще-то, твой муж. С какой стати я должен спать в гостиной? Хочу спать с тобой!

– Пожалуйста, не спорь! Поспи пока отдельно, какое-то время... – настойчиво попросила Инга.

Но уже через неделю Борисов пришёл к неутешительному выводу, что нет ничего более постоянного, чем временное, и пошёл в наступление.

Он купил букет хризантем, вручил его Инге и поцеловал её в губы со всей силой сдерживаемой страсти.

Инга на поцелуй ответила, но как-то, мягко говоря, по-родственному. Словом, повела себя совсем не так, как бывало, когда они с порога начинали целоваться... А после, смеясь, искали по квартире предметы гардероба и целовались снова...

Ещё в начале их совместной жизни Борисов вывел для себя железную формулу: женщину надо ласкать, смешить и пугать... Причём делать это так, чтобы возлюбленная и предположить не могла: пугаешь ты её, смешишь или всё-таки ласкаешь....

Но Инга умела разобраться что к чему. И, в свою очередь, любя его (тогда он был в этом абсолютно уверен), «включала» то сумасбродную девчонку, то опытную женщину-обольстительницу, а то заботливую мать, не упускающую случая проинструктировать своё «неразумное дитяtko»:

– Ну как ты моешь тарелку, милый? Губку надо держать другой стороной... Да, именно так! Тщательнее мой, и – с мылом! Руку перехвати! Переверни! Не забудь, пожалуйста, середину...

Он не обижался, зная, что в любой момент, стоит только приобнять её за талию, сделать подножку, повалить на спину, и строгая «наставница» мгновенно преобразится в пылкую любовницу или в послушную девочку...

Оттого Борисову и трудно было смириться с непривычной закрытостью Инги, с её отстранённостью...

– Ты меня разлюбила? – спросил он однажды.

Инга, зябко кутаясь в длинную шерстяную кофту, сидела в кресле, поджав ноги под себя. Она посмотрела на него с укоризной:

– Борисов, тебе что, заняться нечем?

– Почему это нечем? Очень даже чем... – Он присел на подлокотник кресла и крепко прижал её к себе.

– Ой, ты меня сломаешь! Медведь! – недовольно сказала она. – Иди лучше стихи пиши!

– А как же любовь?

Инга выпустила колючки, как рассерженный дикобраз:

– Да что ты заладил: любовь, морковь... Больше поговорить не о чем?

Борисов очень не любил, когда она сердится, и дал задний ход:

– Нам всегда есть о чём поговорить... Например, почему ты стала ко мне холодна?

Инга стукнула его кулачком по ноге:

– Борисов! Не выводите меня из себя! Скажи лучше, как там Жуковский – нашёл финансирование для вашего «Рассвета»?

– Пока нет, но ищет... – Борисов нехотя стал рассказывать, как именно главный редактор выбивает им бюджет, к кому в правительстве региона ходит на поклон, какие аргументы приводит, кто и какие «откаты» просит за содействие...

– Какие с вас «откаты»? – возмутилась Инга.

– Ну да! Это в тротуарную плитку можно «маржу» упрятать: плитку положил, деньги снял, а сколько потратил на самом деле – никто не знает. А в журнале сделаешь «откат», значит, не хватит на тираж... Не будет тиража, как отчитаешься за полученные деньги? – посетовал он. – Да если бы властям предержавшим журнал был нужен, деньги сразу бы нашли... Находят же миллионы на разные шоу и спортивные соревнования. Я уже не говорю, сколько тратят на банкеты чиновников и показуху в дни приезда высших должностных лиц... В загородную резиденцию губернатора закупили два белых рояля «Стейнвей». Ну, я понимаю – один, а зачем сразу два?

Инга, довольная тем, что сменила тему разговора, заулыбалась:

– А вдруг приедет Сам и захочет в гостевом доме одним пальчиком сыграть «С чего начинается Родина...»?

– Самому не до этого! У него сейчас Сирия в приоритете... Это для какой-нибудь мировой музыкальной знаменитости, чтобы дуэль пианистов устраивать...

Инга покачала головой:

– Для знаменитости стараться не станут. Пианист он и есть пианист. Какой бы ни был талант, а всё равно – обслуга. Сейчас начальники стараются только для тех, что выше сидит, с кого можно пользу поиметь: карьерное продвижение или орден в петличку... Слышал новый анекдот? Рука кричит ноге: «Зачем ты мне, если ничего взять не можешь?» – Она смешно наморщила лоб. – А чиновники рассуждают с калькулятором в руках: скажите мне, Борисов, с вашего «Рассвета» какая польза? Так – деньги на ветер... Вот объясните мне рентабельность государственных затрат на издание вашего журнала. Ну, кто его читает? Одни только пенсионеры да авторы, которых вы публикуете!

Борисов понимал, что она нарочно провоцирует его, но завёлся с пол-оборота:

– Как это никто не читает? Да у нас тираж больше, чем у «Нового мира»! И заметь, весь расходится по подписке и к тому же в киосках «Роспечати» продаётся!

– Ну, да, конечно, больше, – хмыкнула она. – Только сейчас у «Нового мира» тираж всего полторы тысячи экземпляров! А в Советском Союзе он доходил до двух с половиной миллионов...

– Ты вспомни ещё, сколько при царе-горохе журналов издавали!

– Нет, погоди! – Инга не собиралась отступать. – Ты же понимаешь, что вы своими публикациями сегодня изменить ничего не можете! Раньше статьёй в журнале поворот рек останавливали, справедливости добивались, невинных людей от тюрьмы спасали... А теперь? Ну, опубликуешь ты статью в своём публицистическом разделе про эти самые рояли и потраченные на них государственные миллионы... Проведёшь параллель с тем, что на эти деньги можно вылечить нескольких ребятишек, больных онкологией, на помощь которым по всей стране с помощью «эсэмэсочек» копеечки у бедных и сердобольных людей собирают... И что? Услышит твою гневную тираду кто-нибудь из власть имущих? Никто и никогда!.. Ты и сам сто раз говорил, что русская литература умерла...

Борисов знал, что Инга права.

Фразу про смерть русской литературы он услышал от современного классика Валентина Распутина на съезде писателей. И теперь любил повторять её, подчёркивая, что роль художественного слова в последние годы в стране нивелирована. Писатели из категории «инженеров человеческих душ» и «властителей дум» новой властью отодвинуты на задворки общественной жизни, к их мнению не прислушиваются, их книг не читают. А всё потому, что нынешние руководители только шайбу гоняют, в бадминтон играют да на дельтапланах со стерхами кружат. Какое им дело до того, что все толстые литературные журналы еле концы с концами сводят? Вот и провинциальный «Рассвет» держится только на изворотливости Жуковского да на его старых комсомольских связях...

Но признать вслух правоту супруги – труднее всего, и Борисов заспорил с новой силой:

– Если напишешь что-то стоящее, тебя обязательно услышат! Слово наше в ком-то непременно отзовётся, да и рукописи не горят, как ты знаешь!

Инга слушала, глядя на него снизу вверх, с выражением страдающей матери. Он понимал всю слабость своих аргументов, но уже не мог остановиться:

– Есть люди, которым наш журнал, как глоток воды живой! Я видел, как его зачитывают до дыр в сельских библиотеках, записываются в очередь за интересными номерами...

– И особенно за теми, где напечатаны твои бессмертные стихи... – применила Инга запрещённый приём, и Борисов отправился на кухню мыть посуду, скопившуюся в раковине.

Делал он это долго и тщательно, сквозь зубы подбадривая себя выученной наизусть инструкцией:

– Тщательнее мой! С мылом! Руку перехвати! Переверни губку! Не забудь середину... Да, зубчики, зубчики...

Он и прежде проделывал такой манёвр, когда хотел разрядить обстановку. И Инга всегда смеялась над этим передразниванием и обнимала его сзади. И всё заканчивалось хорошо.

Но на этот раз «фокус» не удался. Инга включила телевизор на полную катушку и стала смотреть очередную мелодраму, одну из тех «мыльных опер», от которых у Борисова зубы сводило. Его речитатива она не услышала (или не захотела услышать), на кухню не пришла и сзади не обняла... И ему опять пришлось спать одному.

...Надпись в арке, и это ежедневно замечал Борисов, жила своей независимой жизнью. Она словно увеличилась в размере, и глумливые слова, как чёрные щупальца спрута, уже тянулись к прошлому и к будущему Борисова, как будто желая поглотить и то, и другое...

«Кто же всё-таки этот Витька? – продолжал, помимо воли, размышлять он. – Кто написал эту гадость?.. И что я на этого мужика взелся? Каждый борется за своё счастье как умеет... А разве когда-то я сам нечто подобное написать не мог? – И Борисов честно признался: – Мог! Ещё как мог! Когда был влюблён в Майю!»

2

Борисов и Царедворцев в один год поступили в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина и учились в одном и том же здании на Садово-Кудринской улице. Здесь располагался военно-педагогический факультет Борисова, и здесь же – редакторское отделение, куда был зачислен Царедворцев.

Теперь, как это бывало в школе, они виделись каждый день на общих лекциях. И волей-неволей их дружба возобновилась и расцвела с новой силой.

В отличие от Борисова, жившего в общежитии, Царедворцев сразу же получил пусть и служебную, но отдельную квартиру, где по большей части обитал один. Таисия изредка навещала к нему. Она по-прежнему работала во Львове на кафедре политэкономии в военном училище, под крылом у папы-генерала. Защитила диссертацию в университете и вскоре, по линии обмена вузовскими преподавателями, на целый год уехала на стажировку в Польшу.

Так что никто особо не мешал Борисову с Царедворцевым снова почувствовать себя независимыми и свободными мужчинами.

Слушатели академии – это ведь не курсанты военного училища и не офицеры, служащие в войсках: никакой тебе казармы и никакой ответственности за подчинённых. Если и попадёшь в наряд помощником дежурного по академии или в офицерский патруль по Московскому гарнизону, то не чаще, чем раз в полугодие. Словом, не служба, а та самая пасека, где пчёлы отсутствуют, а мёд – в наличии!

В самом начале первого курса они стали майорами и оклад получали соответствующий последней должности, с которой поступили в академию. У Борисова ещё имелся золотой запас в виде чеков, полученных после Афгана... То есть денежки в кармане водились.

Времени свободного хватало на посещение выставок и театров. Царедворцев питал особую страсть к Мельпомене. Они стали завсегдатями Большого театра с его непревзойдёнными балетами и оперой, «Таганки» уже без Высоцкого и Любимова, но по-прежнему популярной, и «Ленкома» с его экспериментальными постановками...

Во время театральных походов Борисов познакомился с тремя москвичками: все были симпатичными, модно одетыми и довольно милыми в общении. Каждой из них он назначил свидание. Но дальше дело не пошло...

– Гляжу на них, у каждой в глазах как будто арифмометр крутится: какая у меня зарплата, есть ли квартира в Москве, обладаю ли нужными связями... – пожаловался он Царедворцеву,

когда они сидели у него на кухне и принимали «по маленькой». – А как только узнают, что я – офицер, так сразу нос воротят...

– Да, сейчас наш брат не в чести... – согласился Царедворцев. – Москвички иностранцев предпочитают или гостей из Грузинской ССР, что на Тишинском рынке торгуют... А с уркаганами тёлки какие крутые ходят... Видел? И с тобой пойдут... Ты, Бор, только про «чеки» свои намекни... Мигом любая москвичка ласковой станет... Помнишь, кого в Афгане «чекистками» называли? «Чекистки» они и в Москве «чекистки».

– Нет, на это я пойти не могу! «Чеки» нам самим пригодятся... Это мы с тобой сейчас гуляем, пока денежки есть. Погоди, настанет трудное времечко, пойдём, как наши сокурники, вагоны по ночам разгружать на площадь трёх вокзалов...

– Да, ладно, какие там вагоны... – оборвал его Царедворцев. – Давай я тебя с Тайкиной подружкой по аспирантуре познакомлю. С Лизой Машенко! Вполне себе смазливая деваха, а дядька у неё – заместитель начальника Главного управления кадров Минобороны, генерал-лейтенант... Усёк? Закадришь Лизку, всё у тебя будет в шоколаде: и распределение в Москве, и квартира в пределах Садового кольца, и служебный рост...

«Ага, если она такая же смазливая, как твоя Таечка, зачем мне её дядька с его возможностями...» – прикинул Борисов и от знакомства отказался:

– Да ну её, эту Лизку, вместе с её дядькой-кадровиком... Давай лучше выпьем за нашу дружбу!

Их посиделки с Царедворцевым за кружкой пива или рюмочкой чего покрепче стали традиционными... И хотя из-за горбачёвской реформы оказались вырубленными лучшие виноградники Советского Союза и у входов в винные магазины по всей Москве и далеко за её пределами выстраивались длиннющие очереди, как прежде – за импортными гарнитурами, но принцип «товаровед, заднее крыльцо, завсклад, директор магазина...» никто не отменял. Благодаря связям Царедворцева запасы спиртного у них не иссякали, да и Таисия, изредка появляясь в Москве то из Львова, а то из Варшавы, где в магазинах всего было в достатке, привозила или невиданный французский коньяк, или ирландский виски, которые особенно хорошо шли под разговоры о литературе...

Совсем как в школьные времена, они с Царедворцевым стали снова посещать литературное объединение. Занимались в студии у известного критика Вадима Кожина, недалеко от метро «Баррикадная». Руководитель был строг и требователен, но и хвалил, если произведение удавалось.

– Вот это – настоящее, – говорил он про афганские стихи Борисова, – как у Верстакова. Его, кстати, тоже Виктором зовут. Я вас с ним непременно познакомлю... У него мощная лингвистическая основа в стихах. А какая родословная, вся семья пишущая: отец – драматург, брат – поэт. А сам Верстаков – это наш русский Киплинг! Послушайте, как звучит: «Пылает город Кандагар, живым уйти нельзя!..»

Борисов, конечно, знал творчество Верстакова. Магнитофонные кассеты с его песнями в Баграме ходили по рукам. Их слушали в основном офицеры. У солдат были свои песни... Может быть, и не с такой «мощной лингвистической основой», но искренние и простые. Самому Борисову хотелось писать так, чтобы его стихи были понятны всем: и генералам, и солдатам, и академикам, и слесарям...

Война удивительным образом пробуждала желание созидать. Кто-то, чтобы не свихнуться от постоянного нахождения рядом с опасностью, начинал рисовать, кто-то слагал стихи, а кто-то брал в руки гитару... «Бойся, маленький охотник – смерть крадётся за тобой», – когда понимаешь, что невечен, хочется сделать хоть что-то, что на Вечность претендует...

Занимаясь у Кожина, Борисов критическим взглядом окинул то, что успел написать, и сделал неутешительный для себя вывод: до «претензии на Вечность» его творениям ещё далеко.

– Хорошо, что вы, Виктор, замечаете недостатки в своих стихах, – успокаивал наставник. – Умение видеть собственные огрехи – это первый шаг к мастерству!

В конце второго курса Царедворцев разузнал по каким-то одному ему известным каналам, что Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота собирается проводить совещание молодых армейских литераторов.

– Совещание состоится в Белоруссии, в Доме творчества писателей «Ислочь», – сообщил он Борису. – Мы с тобой должны туда поехать!

Борисов новости обрадовался, но засомневался:

– Туда, наверное, только тех берут, у кого собственные книги есть... А у нас с тобой их нет...

– Про книги не знаю. Но не боги горшки обжигают! Не так уж мы с тобой и плохи, Бор! Ты рукопись готовь, а остальное – дело техники...

Рукописи, отпечатанные в трёх экземплярах, были отправлены в Союз писателей РСФСР, где и проводился отбор на совещание. Царедворцев позвонил кому-то в ГлавПУр. Борисов так и не понял, что именно сыграло свою роль – качество их произведений или связи Царедворцева, но в конце мая восемьдесят седьмого года они оказались в числе пятидесяти участников совещания.

Дом творчества белорусских «письменников» стоял в живописном месте: реликтовый сосновый бор и луг с изумрудной травой, рассеянный прозрачной речкой Свислочь. По утрам – пение птиц и перестук дятлов. Здание Дома творчества – большое, просторное, с уютными двухкомнатными номерами и замысловатыми переходами между этажами. В столовой кормят как на убой, а точнее, как в санатории. В трёх километрах – дом отдыха Белорусского отделения Академии наук СССР, где по дорожкам прогуливаются скучающие дочери академиков и жёны кандидатов и докторов наук. Там же три раза в неделю – танцы. Ещё чуть подальше – село Тресковщина. В сельмаге и водка, и пиво – в изобилии, как будто никакого Постановления ЦК КПСС о борьбе с пьянством и алкоголизмом вовсе нет, и посевная не в разгаре...

Проще сказать, атмосфера – самая благоприятная и для поиска вдохновения, и для отдохновения от него. Борисов сразу же по приезде, увидев окружающие красоты, написал стихотворение:

Речушка заблудилась на лугу,
Где ночь стекает звёздами на росы.
Трава по пояс, а на берегу
Там ивы, как русалки, моют косы.
И месяц их обходит стороной.
Приблизись – заманят в хороводы
И, песней усыпив тебя хмельной,
Сам не заметишь, как утащат в воду...
Ну, что же так дрожит рука твоя?
Всё это выдумки. Им верят только дети.
Русалка – ты! Легко попался я
В твои шутя расставленные сети.

И хотя никаких «русалок» поблизости не наблюдалось, но предчувствие встречи с чем-то необычным у Борисова сразу появилось...

Они с Царедворцевым, как и положено представителям прозы и поэзии, попали в разные семинары, но жили в номерах по соседству и, само собой разумеется, «гусарили» на пару. Желаящих присоединиться к ним в весёлых посиделках и поисках приключений нашлось немало. Все их сотоварищи по совещанию – офицеры и прапорщики, прибывшие в Ислочь

из разных военных округов и групп войск, были моложе тридцати шести, ибо такой возрастной предел установил для «молодых литераторов» Союз писателей РСФСР. Впрочем, шумно и весело отдыхали они под присмотром куратора из Главного политического управления полковника Виноградова и, что важно, не во вред основному делу, ради которого сюда приехали.

Литературная учёба сулила перспективу получить рекомендацию в Союз писателей СССР или издать по результатам обсуждения собственную книгу.

Царедворцев на своём семинаре «обсудился», как и пристало баловню судьбы, весьма успешно.

– Ты знаешь, Бор, – похвастался он, – мои рассказы одобрили и даже назвали новым словом в современной армейской литературе! Наш мастер Леонов, а он ведь – заместитель главного редактора «Огонька», сравнил их с «молодыми» рассказами Довлатова... Говорит, у меня та же экспрессия, достоверность, фактографичность и документальность, то же неразделимое слияние между автором и героем...

– Довлатов – это же диссидент! – возмутился Борисов, хотя рассказов Довлатова не читал.

– Ты не понимаешь: Довлатов – это знак качества!

– Ты ещё скажи, что и Солженицын – знак качества...

– Что ты взъелся! Завидуешь?

– Рад за тебя...

Царедворцев рассмеялся:

– А я-то как рад! Моя первая книга выйдет в «Воениздате»!

Стихам Борисова повезло меньше.

Его семинар как-то сразу разделился на несколько группировок, исповедующих, говоря языком литературоведов, разные художественные ценности. «Традиционалисты», к числу которых принадлежал Борисов, оказались в меньшинстве. Большинство его сотоварищей по семинару числили себя «метафористами» и ярыми поклонниками Мандельштама и Вознесенского, превозносили словесную игру и приоритет образности над смыслом. Между первыми и вторыми находилось «болото» – те, кто, в зависимости от направления ветра, менял своё отношение к обсуждаемым стихам и всегда поддакивал руководителям семинара – фронтовику Барковичу из редколлегии журнала «Дружба народов» и двум полковникам с писательскими билетами – Кириллову и Ерхову.

– Алексей Максимович Горький учил нас, что советская литература – дело общее. Успех одного – это успех всех, – на первом заседании провозгласил Баркович. И полковники закивали своими лысеющими головами, хотя впоследствии выяснилось, что думали иначе.

Эта троица литературных небожителей парила над всеми спорами. В своих оценках руководители семинара хотя и были сдержанны, но каждый имел любимчиков, в число которых Борисов, к своему несчастью, не попал...

Нашлась среди семинаристов и парочка доморощенных «гениев». Коренные москвичи Есипов и Едрыкин заочно учились в литературном институте имени А.М. Горького и уже только поэтому считали себя выше всех остальных. Они обсуждали других семинаристов с таким снобизмом и высокомерием, что у Борисова кулаки чесались – так и хотелось им по морде надавать.

Приехавшие на семинар армейские литераторы вполне могли служить иллюстрацией к знаменитым строчкам Дмитрия Кедрина: «У поэтов есть такой обычай, в круг сойдясь, оплёвывать друг друга». Каждый норовил выпендриться, показать себя, а когда обсуждали его творчество – огрызнулся...

Рукопись Борисова резко атаковали.

– Книга не состоялась, – констатировал капитан третьего ранга Быстров из Североморска. Он, по градации Борисова, принадлежал к «болоту» и на прошлых обсуждениях вперёд

не высовывался, но тут вдруг решил проявить себя, словно заранее предчувствуя поддержку остальных. – В его сочинениях много штампов, повторов и описательности...

Борисов не успел и рта открыть, чтобы вступить за свои детища, как возвысил голос Едрыкин:

– Я полагаю, что в этих так называемых стихах много злободневных тем, но злободневность – удел журналистики, а поэзия... поэзия... – Он на мгновение задумался и с пафосом изрёк: – Служенье муз не терпит суеты...

– Над строчкой суетятся графоманы! – успел всё же вставить реплику Борисов.

На подмогу приятелю вскочил Есипов. Маленький и круглый, как надутый для первомайской демонстрации шарик, капитан из стройбата держался надменно, создавая впечатление, что служит как минимум в контрразведке или в военной прокуратуре:

– Борисов – стихотворец более слабый, чем сильный. У него не стихи, а какие-то лубочные картинки, зарисовки, вещающие об очевидных вещах. Да и язык, кажется мне, простоват...

И снова Борисов не сдержался:

– В конце пути впадёшь, как в ересь, в неслыханную простоту!

Но Есипова не просто было сбить с толку.

– Ты, Борисов, не щеголяй. Пастернака мы все читывали... Вот у нас в литературном институте... – Тут он сел на любимого конька и завёл длинную «песню», что его мастер по институту лично знал лауреата Нобелевской премии и получил от него одобрение в начале своего творческого пути...

– Давайте вернёмся к стихам Борисова. Мы ведь не творчество Бориса Леонидовича Пастернака обсуждаем и не о вашем, Есипов, уважаемом мастере говорим... – оборвал его Баркович, в голосе которого послышались ревнивые нотки: он и сам преподавал в литературном институте. – А мне многие стихи Борисова понравились, – неожиданно заявил он. – Я сначала отметил плюсиками десять стихотворений из рукописи, потом ещё одиннадцать...

Барковича поддержал мичман Вася Кравченко из Севастополя. Простодушный, русоволосый и ясноглазый, он ни в какие группы не входил, но всегда держал сторону «традиционалистов»:

– Я поначалу стихотворения Борисова как-то не рассмотрел, а вот сегодня послушал, как их читает сам автор, и они мне открылись. Это настоящие русские стихи, а не какой-то мелкобуржуазный модернизм...

Тут на Кравченко накинулись «метафористы» и «гении». И опять обсуждение рукописи Борисова зашло в тупик, пока его не вернул в нужное русло полковник Ерхов, явно «метафористам» симпатизирующий:

– Ну, не знаю, я лично ни одной свежей метафоры у Борисова не разглядел! Не нашёл ни одной филологической находки... Проза жизни превалирует у него над поэтикой... Согласен с Едрыкиным: всё слишком просто. Так каждый может написать...

Борисов выслушал о своих произведениях и о себе как о «начинающем литераторе» ещё много неллицеприятного. И стихи-то он читает лучше, чем пишет. И ленится работать над образами и рифмами. И разделы в представленной рукописи не выдержаны, и в целом она составлена неумело...

Но за него вдруг вступился полковник Кириллов. Он оценил оптимизм произведений, верность традициям и армейской тематике, хотя собственно об армии у Борисова было несколько стихотворений, написанных в Афганистане, которые похвалил Кожинов...

– Да, книги в рукописи пока нет, – резюмировал Кириллов, – резкие перепады настроений её убивают. Но лирическим стихам Борисова я верю. Мне вообще кажется, что для того, чтобы он совершил качественный рывок вперёд, ему надо по-настоящему влюбиться! Тогда и стихи, как кровь горлом, пойдут!

Образ окровавленных стихов, «идуших горлом», Борисову не понравился, но он нашёл в себе силы поблагодарить участников обсуждения и пообещал:

– Буду стараться!

После семинара они с Царедворцевым сели обмыть это событие.

Борисов в отчаянии «плакался» другу:

– Коля! Рукопись мою забодали! Поют дифирамбы сырым стишатам Есипова и Едрыкина! Подумаешь, «убежало молоко по дороге детства...» Тоже мне метафора! Вон у Пушкина и рифмы глагольные, и метафор раз-два и обчёлся! А ведь гений и «солнце русской поэзии»... Брошу я, наверное, это занятие – стишки кропать! Перейду на прозу...

– Ну, чего ты так разошёлся, Бор? Зачем бросать то, что у тебя получается? – не согласился Царедворцев. – Подумаешь, «рукопись забодали», – передразнил он. – За одного битого двух небитых дают. К тому же Баркович у тебя два десятка стихов похвалил? А это уже половина книжки! Вторую половину почистишь, новые стишата родишь... Давай лучше в Дом отдыха академии наук махнём. Там сегодня танцы, и наши туда собирались... Пусть будет потерян для нас день, в котором мы ни разу не плясали! И пусть ложной зовётся всякая идея, которая не вызвала смеха! Надо поторопиться, пока всех невест не разобрали!

«Невест» на танцах у «академиков» было хоть отбавляй, поэтому кавалеры в погонах здесь всегда пользовались спросом.

Когда Борисов, Царедворцев и увязавшийся с ними Кравченко пришли в Дом отдыха, в холле первого этажа громко звучала песня итальянца Тото Кутуньо и танцевало несколько пар.

Все танцующие «кавалеры» оказались Борисову знакомыми: Быстров, Есипов и два прозаика из семинара Царедворцева – Иванов и Ткаченко. Поэты танцевали с юными крашеными блондинками, а прозаики – с партнёршами постарше. Дама Ткаченко, явно профессорская жена или вдова и столь же явно не избалованная мужским вниманием, жадным взором так и поедала своего сумрачного черноусого партнёра. А он крепко обхватывал её за несуществующую талию.

«О вкусах не спорят!» – Борисов оглядел остальную диспозицию.

Несколько женщин «бальзаковского возраста» стояли в сторонке с безучастным видом – зачем они пришли на танцы, оставалось только догадываться. Две старушки лет семидесяти танцевали друг с другом, напомнив Борисову фильм о войне...

Мичман Кравченко, пока музыка не прекратилась, с ходу пошёл на абордаж. Он решительным шагом направился к пассивной женской группе, пригласил фигуристую брюнетку и довольно ловко стал вальсировать с ней, хотя мелодия и не способствовала этому.

Борисову никто из дам не понравился, да и настроение у него после неудачного обсуждения было, прямо сказать, ниже среднего. Он уже пожалел, что поддался уговорам Царедворцева и пришёл сюда. Но тут по лестнице в холл спустились две молодые женщины. Обе симпатичные шатенки со стрижкой под Мирей Матьё, но одна – повыше, а другая – пониже.

Царедворцев тут же сделал стойку, как пойнтер, почувявший дичь.

В этот момент Тото Кутуньо допел свою песню, и к ним вернулся разгорячённый Кравченко.

– Ах, какая женщина... – промурлыкал он и, достав носовой платок, вытер красное лицо, после чего стал крутить его, как вентилятор, чтобы остудить пыл.

Царедворцев одобрительно похлопал Кравченко по плечу, но сам продолжал разглядывать шатенок.

– Спорим, через двадцать минут я одну из них уложу в кровать? – горячим шёпотом заявил он.

– Не стану я с тобой спорить! – Борисов помрачнел ещё больше, вспомнив Сонечку Голубкову из ДЮСША: «Дежавю какое-то!»

– А я стану, – неожиданно встрял Кравченко. – Из этих? – вытаращился он. – Ни за что не уложишь за двадцать минут! На что спорим?

– Две бутылки «Белого аиста»! Идёт?

– Замётано!

– Бор, разбей! – Борисов поморщился, но разбил сцепленные руки товарищей, а про себя загадал: пусть Царедворцев выберет ту, что повыше...

Царедворцев как будто услышал его. Когда заиграла музыка, он пригласил на танец высокую шатенку, а Борисов – её подругу. Это и была Майя.

3

Любовь накрыла Борисова, как лавина накрывает альпиниста, – от лавины не убежишь и не спрячешься...

И вроде ни поцелуев, ни объятий, ни того, что в тот же вечер случилось у Царедворцева с высокой шатенкой Наташей, а поди ж ты, запала в сердце эта Майя...

Царедворцев выиграл спор с Кравченко – на девятнадцатой минуте увёл подругу Майи наверх, и Борисову пришлось возвращаться в Дом творчества без него...

– Ты не боишься, что Таисия о твоих подвигах узнает? – спросил Борисов на следующий день у Царедворцева, сыплющего подробностями своей «победы».

Царедворцев расплылся в улыбке:

– А у нас с ней свободные отношения. Каждый живёт сам по себе: она – там, я – здесь. Да и что такого? Детей у нас нет... Ей всё как-то не до них. То время ещё не пришло, то кандидатская, то стажировка... А без детей – не семья, а так – одна видимость...

– Так что ж ты с ней живёшь? – Борисов не любил совать нос в семейные дела друга, но тут не выдержал, хотя и хорошо знал, почему именно Царедворцев не расстанется с женой.

Улыбка сошла с лица Царедворцева. Он запыхтел, как паровоз, пытающийся сдвинуться с места:

– Живу, потому что хочу чего-то в жизни добиться! Ты же видишь, что своими талантами высоко не взлетишь, хоть семь пядей у тебя во лбу, хоть все семьдесят! Да, брак у меня по расчёту! Молодым был, думал: стерпится – слюбится... Ну, не слюбилось... так мы и не мешаем друг другу. Сейчас многие так живут. Вот стану генералом, тогда и разведусь...

– Что ж, если так сильно хочешь стать генералом, тогда терпи, а любовь нам, дуракам, оставь...

Царедворцев залпом выпил рюмку коньяка и треснул ладонью по столу:

– Вот, возьму и разведусь с Тайкой прямо сейчас! А на этой Наташке – женюсь! Классная тёлка...

– А ты спросил эту «классную тёлку» – пойдёт она за тебя? Может, у неё свой «бычок-производитель» имеется? – прищурился Борисов.

Царедворцев оторопел:

– Бор, ты что, во мне сомневаешься? Мне никто никогда не отказывал! Только поманю, любая тут же всех мужиков бросит и рванёт ко мне! – Он снова налил коньяку себе и Борисову. – Ну, а ты как вечерок скоротал?

– Бесперспективно, – отозвался Борисов.

Вчера после танцев, когда гуляли с Майей по дорожкам Дома отдыха, он успел выяснить, что она замужем, сыну Никите три года, он сейчас у бабушки с дедушкой, мужу Грише, а он работает в академическом НИИ, отпуск не дали, поэтому и отдыхает она одна.

...Все оставшиеся дни на совещании Борисов просидел, словно истукан. Никак не получалось отвлечься от мыслей о Майе, о том, увидит ли он её снова: «Я утром должен быть уверен, что с вами днём увижусь я...»

Едва занятия заканчивались, они с Царедворцевым, «коготок» которого тоже увяз, неслись через лес, как олени-самцы весной летят на зов своих самок – бесстрашно, бездумно, бестолково, судорожно глотая пряный воздух, ломая ветки, сминая стебли красно-книжных ландышей...

Майя поводов для ухаживаний Борису не давала – держалась с ним ровно, дружелюбно и не более того. Но тому чувству, что уже колобродило в нём, никаких поводов и не надо было: только бы видеть её, восхищаться её красотой, которую он в первый вечер особо и не разглядел, радоваться возможности побыть рядом хотя бы минутку.

Ах, любовь! – а именно так он с первых минут ощутил своё влечение к Майе – явилась к нему, как долгожданное и выстраданное чувство, о котором он прежде только мечтал, читая романы и стихи великих предшественников, высказывания пророков и мудрецов.

В Афгане Борисов по замполитской обязанности как-то изъясил у одного из солдат автотроты карманную Библию и полгода хранил в сейфе, время от времени в неё заглядывая.

В Библии попались ему диковинные слова про любовь, которая долготерпима и милосердна, не завидует, не превозносится, не гордится, не ропщет, не ищет зла, не ищет выгоду и не бесчинствует... Любовь эта в любом проявлении – благословенна.

Тогда, погружённый в раздумья о своих отношениях с Серафимой, Борисов к словам из Библии отнёсся скептически, посчитал их надуманными и не имеющими никакого отношения к реальной жизни.

Да и как он мог представить, что бывает такое, когда тебя самого как будто и нет без любимого человека, когда ты без него начинаешь задыхаться, словно тебе на голову надели противогаз и при этом пережали гофрированную трубку!

На первом курсе училища курсанты сдавали зачёт по марш-броску с полной выкладкой и в противогазах. Сокурсник Борисова, бежавший рядом, шутки ради взял да и пережал трубку его противогаза. Через минуту Борисов стал задыхаться, в глазах потемнело, и он сорвал с себя противогаз, за что преподаватель по тактике поставил ему неуд... Борисов навсегда запомнил это ощущение безвоздушного пространства!

Теперь, встретив настоящую любовь, он понял всю глубину библейских слов. Майя стала для него и Солнцем, и Ветром, и Смыслом жизни.

Он читал ей свои любимые стихи Соловьёва:

– Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Искромётно лишь солнце любви...

Он и сам стал выдавать одно стихотворение за другим, одно лучше другого. Наконец-то они хлынули из него, как кровь горлом...

По литературному закону умолчания автор может одним предложением раскрыть события целого года, а то и нескольких лет. Этот закон справедлив, ибо взят из самой жизни, где бывают такие судьбоносные дни, которые направляют все дальнейшие поступки человека. Именно их, а не череду серых будней хранит в себе память.

Встреча с Майей определила течение жизни Борисова на несколько лет вперёд.

В день, когда ему надо было уезжать, Майя простилась с ним без особых эмоций, хотя в щёчку себя поцеловать позволила, но номер телефона, даже рабочего, не дала.

«Ну, и ладно, – рассердился на неё Борисов. – Как-то жил без тебя и теперь проживу. Не срослось – значит, не судьба!»

Они с Царедворцевым вернулись в Москву. Но уже через неделю Борисов «задурил не на шутку» и в первые же выходные рванул в Минск, зная, что Майя ещё должна быть в Доме отдыха.

Это свидание, как и все предшествующие, прошло столь же целомудренно, но не бесполезно. Когда Борисов, как гром среди ясного неба, возник перед ней, в глазах у Майи что-то дрогнуло. И хотя она продолжала держать его на «пионерском расстоянии», но рабочий телефон в записную книжку Борисова своей рукой вписала и разрешила звонить, только изредка и в обеденный перерыв.

Два следующих года он, едва представлялась возможность, приезжал в Минск, чтобы только увидеть предмет своего обожания, прочитать новые стихи, посвящённые ей, и проститься до следующего раза...

Однажды Майя согласилась приехать в Москву, как она выразилась, на «экскурсию». Борисов снял для неё номер в гостинице на Воробьёвых горах и подготовил целую программу, включающую посещение Третьяковки, выставочного зала художника Шилова и могилы Высоцкого на Ваганьковском кладбище. Борисов запомнил, как Майя цитировала строчки: «Я дышу, и значит, я люблю...» и захотел сделать ей сюрприз.

«Гвоздём» программы стал поход в «Ленком» на «Юнону и Авось» с Караченцовым в главной роли. На самый популярный спектакль года купить билеты было невозможно. Как всегда, выручил Царедворцев: где-то раздобыл две контрамарки. И Борисов с Майей пошли в театр.

Потрясённый Борисов смотрел историю любви камергера русского двора Николая Резанова и испанки Марии Концепсьон Аргуэльо, затаив дыхание. Караченцов пел: «Я тебя никогда не увижу, Я тебя никогда не забуду...» Слёзы непроизвольно текли у Борисова по щекам, и Майя тоже плакала, стиснув ему руку...

А вечером, после спектакля, на квартире Царедворцева, которую тот благородно им уступил, уехав к знакомым, случилось то, что должно было случиться, и всё стало ещё более запутанным.

Теперь Борисов хотел Майю всю – без остатка. И навсегда!

– Разводись! – сверкая глазами, потребовал он. – Скоро у меня выпуск, и я смогу забрать тебя...

– Куда? – удивилась она.

– Да куда хочешь... После академии я смогу выбрать любой крупный город... Военных училищ в райцентрах не бывает...

– А Никита?..

– А что Никита? Я буду ему хорошим отцом.

Майя сказала, как отрезала:

– У него уже есть отец!

Борисов рассвирепел:

– Мне что, застрелить твоего мужа, чтобы ты была со мной? Вот пойду к нему и всё о нас расскажу! Или на дверях твоей квартиры напишу, что люблю тебя!

Майя вцепилась ему в руку, как рассерженная кошка:

– Не смей! Я пока не готова! Я сама всё расскажу, когда время придёт!

Но логика намерений и логика поступков не всегда совпадают.

Она мужу ничего не рассказала, и Борисов, как ни собирался, а на решительный разговор с Гришей не пошёл, боясь, что Майя этого ему не простит. И ситуация оставалась патовой, то есть ни взад, ни вперёд.

Майя продолжала с ним встречаться втайне от мужа. Борисов понимал, что похож на вора, влезшего в чужой дом, что нельзя разрушать семью, что на несчастье другого своего счастья не построишь, но ничего не мог с собой поделать... Как будто магнитом влекла его к

себе эта женщина, одновременно дарившая ему вдохновение и иссушавшая душу ощущением несправедности творимого ими, необходимостью прятать свои чувства, потворствовать предательству и невозможностью быть вместе.

Страсть к Майе была сродни наваждению. Он жил, как заколдованный, в каком-то тумане, и многие события в его жизни в этот период прошли как будто по касательной. Даже самые трагические...

От инфаркта умер отец Борисова – Павел Андреевич, а следом за ним, буквально через полгода, мама – Татьяна Петровна.

Разбирая после похорон документы, Борисов наткнулся на связку миниатюрных календарей с видами Челябинска. Это были календари разных лет, и на каждом красным цветом были обведены самые обычные дни.

«Зачем мама помечала их?» – он стал вспоминать и вспомнил, что как раз в это время гостил у родителей.

У Борисова сжалось сердце. Приезжая к ним, он всё куда-то торопился, бежал к одноклассникам, спешил поскорее уехать назад, ссылаясь на неотложные дела, а перед расставанием совал матери и отцу деньги, как будто откупался от них...

Татьяна Петровна во время одной из последних встреч призналась ему:

– Я ведь стала в церковь ходить, Витюша. О тебе, сыночек, молюсь... Какой-то ты у меня неприкаянный... И с Симой не пожилось, и сейчас один маешься...

Борисов смотрел на материнские календари и чувствовал себя неблагодарным эгоистом: он-то в своём карманном календарике красными кружками обводил дни, когда встречался с Майей...

«Так больше продолжаться не может! – решил он. – Надо или рвать с ней бесповоротно, или окончательно забирать к себе!»

4

«То, что падает, надо подтолкнуть», – говорил Заратустра. Но не каждому под силу подтолкнуть к разрыву отношения с тем, кого любишь.

Расставание Борисова с Майей тянулось долго и мучительно. Совсем не так, как с Серафимой. Развод с ней можно было сравнить с удалением молочного зуба, который и так уже шатался. Оставалось только привязать к нему ниточку, а другой её конец прикрепить к дверной ручке. Дёрнул – и зуба как не бывало! Немножко больно, маленькая капля крови на ватке...

Майю он вырывал из своей жизни, как будто удалял зуб мудрости, вросший в челюсть четырьмя разлапистыми корнями.

Однажды в гарнизонной поликлинике старенький щуплый стоматолог Юрий Абрамович Лёвин, упираясь в грудь Борисова коленом, пытался удалить воспалившийся зуб-чудовище и не смог. Вконец измучив Борисова, он направил его в областную клинику, к своему знакомому врачу с мрачной фамилией Убийвовк. Могучий, как средневековый палач, Убийвовк своими ручищами, поросшими густыми рыжими волосами, при помощи щипцов, скальпеля, молоточка и долота всё же избавил Борисова от больного зуба, разворотив при этом полчелюсти... Рана долго не заживала, всю щёку «разбарабанило», и Борисову пришлось ещё не раз посещать зубо врачебный кабинет, пока последствия удаления зуба мудрости не были преодолены.

Так вот и с Майей. Несмотря на свой зарок – разобраться с этими измотавшими его отношениями, Борисов никак не мог ни расстаться с ней, ни увести её от мужа.

Их свидания, телефонные звонки и письма до востребования на главпочтамт продолжались. Вопреки здравому смыслу и укорам совести, Майя не бросала Гришу, Борисов не мог её забыть.

Времена стояли смутные и тревожные, под стать их отношениям.

Страна, взбудораженная гласностью и обещаниями «сытого и счастливого завтра», бурлила всё сильнее. Начались центробежные процессы в республиках Прибалтики и Закавказья. Дело дошло до «сапёрных лопаток» в Тбилиси и противостояния армейского спецназа с националистами у телецентра в Вильнюсе. Экономика всё больше пробуксовывала, полки в магазинах пустели, в большинстве городов продукты и водка отпускались по талонам. Зато в СССР появилась новая плеяда богатеев. Из тени вышли «цеховики», ставшие новоявленными кооператорами и оптовиками, и «крышующие» их группировки из числа бывших спортсменов и уголовников.

У известных режиссёров и актёров появилась мода сжигать свои партбилеты на Красной площади перед телекамерами. В «Огоньке» и центральных газетах одна за другой стали появляться разоблачительные статьи о партийных коррупционерах, живущих не по социалистическим принципам, о генералах, эксплуатирующих солдатский труд на строительстве своих роскошных подмосковных дач, о неуставных взаимоотношениях солдат в армии, о дураках-офицерах – лодырях, пьяницах и бабниках... Ходить в военной форме по вечерней Москве стало небезопасно, можно было получить тумачков от сограждан, которым глашатаи «гласности» внушили, что «дармоеды и нахлебники в погонах» объедают советский народ.

Многие сокурсники Борисова в этот период написали рапорты и уволились из Вооружённых сил. В недавнем прошлом из армии увольняли только за дискредитирующие офицера проступки, что неизбежно сулило «волчий билет», с которым на «гражданке» нигде не устроишься. Нынче это никого не пугало. «Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше!» – уволенные офицеры тут же вливались в ряды предпринимателей или их охранников и при встречах с бывшими сослуживцами кичились высокой зарплатой и малиновыми пиджаками. А те, кто остался доучиваться в академии, шли на ночную подработку, чтобы хоть как-то прокормить свои семьи в условиях удорожания столичной жизни и тотального дефицита. Особой удачей считалось устроиться ночным сторожем или «вышибалой» в частные ресторанчики и кафе. Остальные довольствовались разгрузкой железнодорожных вагонов с мукой и сахаром, яблоками и апельсинами и прочими товарами народного потребления.

«Афганская заначка» у Борисова быстро закончилась. Поездки к Майе, оплата гостиниц и походов в рестораны наносили его ежемесячному денежному довольствию невосполнимый урон. Он с трудом устроился ночным сторожем в книжном магазине на Арбате, где последние полгода учёбы совмещал полезное с приятным.

Из книг, что он прочёл во время дежурств, одно высказывание Честертона, величайшего «принцем парадокса», показалось Борисову особенно актуальным. Он даже выучил его наизусть: «Нам нужно не обычаи менять и не привычки, а точку зрения, веру и взгляд. Если мы правильно увидим долг и долю человека, жизнь наша станет простой в единственно важном смысле слова... Всякий прост, когда искренне надеется, верит и любит».

Борисову, как и большинству его сограждан, ничего иного и не оставалось – только надеяться, верить и любить.

Незаметно подошло время выпуска из академии.

Царедворцев предполагал остаться в Москве – главным редактором в одном из центральных журналов Министерства обороны: «Советский воин» или «Коммунист Вооружённых сил», но тут вмешался «личный фактор».

– Тайка совсем сдурела! – посетовал он Борисову. – Повернулась на «самостийности»! Представляешь: она из КПСС вышла и вступила в какое-то непонятное общество «Народное движение Украины за перестройку», главная цель которого – выход из СССР. И это дочь генерала-политработника! Раньше сыпала цитатами из Маркса и Ленина, теперь ярых националистов Костомарова и Драгоманова изучает. Гутарит тильки на украинской мови, – передразнил он жену. – А меня при последней встрече «клятым москалём» окрестила! Ну, точно: жинка с глузду зыхала... Думаю, если так дело пойдёт, она ещё и Бандеру героем провозгласит...

Таким взбудораженным и растерянным Царедворцева Борисов ещё не видел.

– А ты не перегибаешь, Коля? Не поверю, чтобы твоя Таисия стала националисткой! Она ведь в нашей советской школе училась и книжки про войну такие же, как мы с тобой, читала...

– В том-то всё и дело, что в школе советской училась и книжки правильные читала про «сильных духом» и «людей с чистой совестью»... А вот словно кто-то другие мозги ей в голову вставил – несёт такую ахинею, что у меня уши вянут... Столько лет вместе прожили, но я и предположить не мог, что она такая беспросветная дура!

– Что же её папаша? Куда генерал смотрит? Неужели он не может на дочь повлиять, вразумить её отцовским ремнём, в конце концов?

– Ремнём надо было сечь, пока доня поперёк лавки лежала... Нынче он только руками разводит да корвалол хлещет стаканами! В общем, я с этой антисоветчицей развожусь! Не могу её больше видеть!

– Конечно, это твоё дело, Коля. Только ведь после вашего развода тестюшка тебе больше помогать не станет! Может, потерпишь, пока всё с назначением утрясётся?

– Как-нибудь обойдусь без тестя... – зло сказал Царедворцев. – Сами с усами!

Он развёлся за месяц до выпускных экзаменов, полагаясь на каких-то отцовских знакомых, обещавших решить его кадровый вопрос. В результате пролетел, как фанера над Москвой: получил распределение в политуправление Приволжского военного округа, где ему предстояло курировать окружные газеты.

Борисов о московском гарнизоне даже и не мечтал. Он, чтобы быть поближе к Майе, просил направить его преподавателем в Минское военно-политическое училище, но там вакансий не оказалось. Ему как лучшему на курсе предложили на выбор должность преподавателя на кафедре общественных наук в Харьковском высшем военном командно-инженерном училище ракетных войск имени Маршала Советского Союза Н.И. Крылова и место на кафедре научного коммунизма в Свердловском высшем военном танко-артиллерийском политическом училище имени Л.И. Брежнева.

Конечно, он выбрал Харьков: от него до Минска – рукой подать, а из Свердловска туда даже самолёты не каждый день летают...

В конце августа 1990 года Борисов прибыл на новое место службы.

Первое, что поразило его, – огромный транспарант на плацу училища: «Советские ракетчики! Наша цель – коммунизм!»

«Совсем в политотделе нюх потеряли! Неужели никто не видит, что лозунг издевательский? Нельзя целиться в коммунизм ракетой! Это же явная политическая диверсия... Особенно в современных условиях!»

Многое из того, что происходило в стране, было Борисову непонятно. Он всё ещё жил в плену коммунистических идеалов. Потому-то культивирование собственнических инстинктов, пошлая реклама, страсть к наживе и обогащению, спекуляция под прикрытием предпринимательства казались ему откровенным вредительством. Как иначе назвать ситуацию, когда при государственных предприятиях директора и партгорги создают разные кооперативы, которые сами ничего не производят, а только перепродают готовую продукцию этих предприятий государству же, да ещё и втридорога?

«Действительно наши ракеты целят в коммунизм! Пока не изобретут грабли, которые гребут не к себе, а от себя, никакой коммунизм не построишь!» – вынес приговор эпохе Борисов, хотя и понимал, что в СССР ни о каком коммунизме речь давно уже не идёт. Уже и социализм «с человеческим лицом», провозглашённый «перестройщиками», трещит по швам, как и сама первая в мире Страна Советов... Старый слон уже умер, только его хвост об этом ещё не догадывается...

Предчувствия, что система вот-вот обрушится, конечно, возникали у Борисова, но по долгу службы он продолжал читать курсантам-ракетчикам лекции по истории КПСС, той

самой партии, которая в эти дни шаг за шагом сдавала позиции «боевого, испытанного авангарда советского народа, руководящей и направляющей силы советского общества и государства».

«Рыба гниёт с головы!» Главными предателями Советской страны стали не рядовые члены партии, а представители высшей партийной номенклатуры.

8 декабря 1991 года три бывших коммуниста, ставшие президентами РСФСР, Украины и Белоруссии, на сходке в Беловежской Пуще, усердно подбадривая себя спиртным, подписали соглашение о создании Содружества Независимых Государств и о прекращении «существования Советского Союза как субъекта международного права и геополитической реальности». Но, хотя в этом документе прямо говорилось, что СССР будет распущен и заменён Содружеством Независимых Государств, Борисов всё ещё думал, что СНГ – это просто иное название того же братского Союза, что ничего в жизни страны существенно не изменится, а если и изменится, то непременно к лучшему.

Этой новой иллюзии и благодушным мечтам способствовали его сердечные дела – в отношениях с Майей как будто пришло «второе дыхание».

В очередной приезд Борисова она была необыкновенно нежна и осталась с ним в минской гостинице на всю ночь.

Муж Майи, Гриша, уехал куда-то по делам своего, как она важно заметила, «бизнеса». Он открыл кооператив по торговле радиодетальями и надумал строить коттедж, под который уже купил землю недалеко от «Ислочи». Обо всём этом Майя радостно сообщила Борисову, но он её словам никакого значения не придал.

Борисову на будущий коттедж Григория и его торговый «бизнес», честно говоря, было наплевать: он упивался счастливой возможностью обладать любимой...

– Как много тех, с кем можно лечь в постель, / Как мало тех, с кем хочется проснуться... – нашёптывал он ей на ушко страстно и горячо. И она отвечала ему взаимностью.

...Через две недели, в новогоднюю ночь, над Кремлём спустили красный флаг страны, которой присягал Борисов, и утром первого января 1992 года он проснулся уже в совершенно другой реальности. Теперь они с Майей оказались в разных государствах.

Но даже это обстоятельство ещё до конца не отрезвило его, ибо вскоре после новогодних праздников Майя сообщила, что ночь, которую они провели вместе, принесла свои плоды.

– Это знак судьбы! – радостно кричал он в трубку. – Теперь мы точно должны быть вместе, понимаешь! Любимая, роди мне сына или дочь!

– Я должна подумать...

– Да что тут думать! Я приеду за тобой и Никитой! Хочешь, завтра же выеду... – Борисов от радости позабыл, что квартиру в Харькове ещё не получил и везти мать его будущего ребёнка вместе с её сыном и вещами некуда. Но это было неважно! Главное, он теперь был уверен, что Майя непременно уйдёт от мужа и они заживут красиво и счастливо.

– Приедешь в следующий раз, поговорим... – неопределённо сказала она.

«Следующий раз» случился нескоро.

В независимых Украине и Белоруссии начались реформы, в том числе и финансовые, заварилась каша с присягой «новой Родине» и переводом Борисова в Российскую армию, и вырваться к Майе он смог только в конце февраля.

Погода в Минске стояла зябкая, промозглая. Борисов ещё по своей давней службе в Щучине хорошо знал эту особенность белорусского межсезонья. Вроде бы на улице всего минус один, а в суконной шинели пробирает до костей, и зуб на зуб не попадает.

Майя встретилась с ним в кафе. Она сменила стрижку и волосы перекрасила в чёрный цвет, отчего её лицо казалось бледнее и строже. В глазах – сплошной гололёд. В голосе – ни намёка на былую нежность и взаимопонимание.

– Ты сказала Григорию о нашем ребёнке? – в лоб спросил он.

– Никакого ребёнка не будет! – скривилась она. – Я решила эту проблему.

У Борисова сердце сжалось и замерло, он простонал:

– Зачем?..

Она пожала плечами.

Говорить больше было не о чем. Они расстались, условившись созвониться позднее, когда оба успокоятся...

Но звонить Майе Борисов больше не стал, посчитав её поступок откровенным предательством.

«Да и ни к чему ей мои звонки и моя любовь! И сам я ей ни к чему. Особенно теперь, когда у её Гриши свой бизнес, когда строится семейный коттедж...» – он вдруг понял, что это она была нужна ему, как жар-птица, как муза. А он для неё был забавой, влюблённым по уши восторженным дурачком, который тешил её женское самолюбие и служил острой приправой к её сытой и пресной жизни.

Боль от разрыва с Майей ещё долго не утихала, саднила, ныла, как ноют раны на непогоду...

Борисов решил, что больше связываться с замужними женщинами не станет:

– На чужой каравай... Нет, ни за какие коврижки!

Да и вообще, в каждой мило улыбающейся женщине он стал видеть какой-то подвох. В попытках заговорить, познакомиться с ним сразу же предполагал обман и расчёт. Макияж, яркие платья, декольте, обнажающие женские прелести, воспринимались им как попытки соблазнить и предать. В конце концов, он пришёл к выводу, что выбрал лимит влюблённости до конца: «Больше влюбляться не буду совсем! Пусть другие дураки голову в этот омут суют и шею свою под хомут подставляют».

И надо отдать ему должное – не заводил никакие «амуры» до тех самых пор, пока на банкете в Свердловском окружном Доме офицеров не встретился с девушкой с колючим именем Инга.

Глава пятая

1

Ситуация в семье Борисова продолжала оставаться непонятной. Инга по-прежнему держала глухую оборону. А вот на работе у него наметились некоторые перемены.

В очередной понедельник, едва Борисов появился в редакции, Жуковский пригласил его в свой кабинет:

– Прикрой за собой дверь поплотнее, Виктор Павлович, и садись, – распорядился главред, давая понять, что разговор будет конфиденциальным.

Геннадий Андреевич Жуковский был на три года моложе Борисова, но выглядел лет на десять старше. Он рано погрузнел, тяжело ходил и страдал одышкой, да и за воротник залив был не промах. Следы этой нездоровой привязанности оставили на его лице заметный отпечаток – красноватый оттенок кожи, набрякшие мешки под глубоко сидящими болотными глазами и стойкий запах мускатного ореха, который он то и дело жевал по привычке, оставшейся ещё с советских времён, когда перегар не приветствовался.

За Жуковским закрепилось малоприятное прозвище – «Гнойный». Характер у главреда и впрямь был зловерный. Как он сам любил повторять, меняя своё мнение на противоположное: «Я всегда колебался вместе с линией партии». С сотрудниками редакции Жуковский был скор на расправу, придирался и позволял себе резкие высказывания. Подразделяя авто-

ров журнала на две категории: с кого ему лично будет какая-то выгода и с кого взять нечего, главред выстраивал весьма специфическую редакционную политику.

Однако при всём этом Жуковский мог быть и доброжелательным, и учтивым. К тем, кто ему пришёлся по сердцу, он относился весьма благосклонно. К Борисову, которому с начальниками в армейской жизни не очень везло, Жуковский неожиданно повернулся своей «светлой стороной». Именно он принял Борисова в журнал, когда его «попёрли» из армии, назначил начальником отдела и в работе не мешал. Благодарный Борисов старался с ним не ссориться и в открытый конфликт не вступать, соблюдая ленинский принцип «мирного сосуществования».

– Вот что, Виктор Павлович, – откашлявшись, начал Жуковский, – хочу тебя обрадовать: деньги нам на журнал дают! Но пока только на полгода и с одним условием...

Борисов напрягся: он хорошо уяснил, что суть вопроса заключается в том, что произойдет после того, как прозвучит это самое «но».

– Что за условие такое, Геннадий Андреевич?

Жуковский утомлённо вздохнул, потёр глаза пухлыми пальцами:

– Требуют провести оптимизацию редакции!

При слове «оптимизация» Борисов поморщился:

– Ты предлагаешь мне написать заявление? – не привыкший крутить вокруг да около, без обиняков спросил он.

Глазки у Жуковского округлились:

– Ну что ты, Виктор Павлович! Чего это надумал? У меня на тебя совсем другие виды...

– Неужели замом возьмёшь?

– Выше бери! Хочу рекомендовать тебя на своё место... Но это после оптимизации!

– А сам куда? – удивился Борисов.

– Не обо мне сейчас речь, – уклонился от ответа Жуковский. – Скажи-ка как потенциальный главный редактор, кого сокращать будем? Областной минкульт предлагает нам штат редакции уменьшить на два человека...

Борисов понимал, что с начальством не спорят, но зароптал:

– Да куда ж ещё уменьшать, Геннадий Андреевич? И так не редколлегия, а какой-то огрызок! Всего семеро сотрудников, и каждый – на своём месте... Разве что мой отдел с отделом прозы объединить да уборщицу уволить – сами по очереди будем полы мыть...

Жуковский кивнул:

– Про соединение отделов – мысль хорошая. Так, наверное, и сделаем. А уборщицу увольнять нельзя, – усмехнулся он. – Кто бутылки выносить на помойку будет? А может, Марковну уволить? Она давно на пенсии... К тому же прокурила здесь всё – дышать невозможно! Стуканёт кто-нибудь из обиженных борзописцев, так нас ещё и оштрафуют! За нарушение Федерального закона о курении в общественных местах.

– Геннадий Андреевич, тогда и Изя Лифшиц уволится. Они ж с матерью, как попугаи-«неразлучники», их разъединять нельзя...

– Тогда и Изю отсюда на... – Жуковский размашистым жестом показал, куда именно следует отправить «компьютерного гения» и размечтался: – А вместо этой «сладкой парочки» возьмём какого-нибудь выпускника университета или... выпускницу! Она и корректором будет, и в компьютерах разберётся. Молодёжь сейчас вся в компьютерах шарит...

Борисов недоверчиво покачал головой:

– В компьютерах, может быть, нынешние выпускники и разбираются, но грамотёшка-то у всех хромает... Такого корректора, как Суламифь Марковна, нам нигде не найти... Она уже стала символом редакции! Её на работу принимал сам... – Тут Борисов назвал имя уральского классика, некогда этот журнал создавшего. И как последний аргумент он добавил то, что на Жуковского должно было произвести впечатление: – К тому же увольнение обоих Лифшицев может вызвать скандал: упрекнут тебя в антисемитизме...

Этот грешок водился за Жуковским. Борисов, который был далёк от подобных обобщений, не однажды слышал, как главред, оказавшись в компании подвыпивших «русифилов», гнусил, что евреи захватили в России всю власть, что русскому человеку уже и шагу ступить не дают, дышать не позволяют...

После этих слов Борисова красное лицо Жуковского приобрело свекольный оттенок:

– Меня в антисемитизме упрекнуть невозможно: у меня дедушка по отцу – Зиновий Моисеевич! – сердито воскликнул он, но слова Борисова своё действие возымели. – Ладно, уговорил: Лифшицев трогать не станем. Подумаем ещё... Может, и впрямь уборщицу сократим на полставки... Да что это я так лоб морщу? Сам будешь это дерьмо разгребать, когда в моё кресло сядешь!

Борисов в редакторское кресло садиться не собирался, осознавая, что тогда о собственной творческой работе сразу придётся позабыть:

– Я в главные редакторы не гожусь! У меня твоей хватки нет! – обозначил он свою позицию. – А ты всё-таки куда собрался, Геннадий Андреевич?

Жуковский с хрустом потянулся, разведя руки в стороны:

– На оперативный простор, Виктор Павлович! На оперативный простор... – Тут он перевёл взгляд на стену, где со дня основания «Рассвета» висели портреты руководителей страны, а теперь красовалась картина местного художника-авангардиста Миши Брусиловского «Ангелы». – У руководства есть мнение, что я должен возглавить областную писательскую организацию... Понимаешь? Пора её из ямы вытаскивать, а то не видно и не слышно, как будто у нас писателей вовсе нет! А мы – вот они!.. – постучал он себя кулаком в грудь. – Поддержишь меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.